

КОНАН
И КИТАЙСКИЙ
МУДРЕЦ

Annotation

Форез — самый настоящий неудачник, он нобиль без богатства. Дабы заполучить наследство от своего дяди, Форез отправляется в Кхитай за маской, надев которую человек навсегда исчезает. Но в его планы вмешивается Конан...

•

Дуглас Брайан

Смерть в саду золотых масок

Сегодня лорд Форез был поглощен тяжелыми раздумьями. Причин для мрачного настроения имелось у него предостаточно. Сумеречное состояние, в которое была погружена душа молодого лорда, отнюдь не являлось той обычной для уроженца Британии легкой и беспричинной меланхолией, которая нападает то и дело, — от дурной ли погоды, от скверной ли встречи на улице, а то и просто от некрасивого лица экономки, имевшей неосторожность нстремиться лорду, пока тот, облаченный в турецкий халат с прорехой на локте, проснувшись поздно, бродит по дому в тщетных поисках выпивки.

Нет, дурное настроение лорда Фореза имело давнее и прочное обоснование. И заключалось оно именно в том, что Форез имел несчастье уродиться лордом.

— Был бы я, скажем, просто каким-нибудь селянином, — говорил он своему отражению в плохо отполированном медном зеркале, купленном у старьевщика. Отражение брезгливо, с омерзением кривилось. — Да, да, — Форез наставительно грозил ему пальцем, — и копался бы себе в земле, выращивая какую-нибудь репу... Тьфу!

Он плюнул, попал отражению в глаз и заботливо оттер плевок рукавом.

— Прости. Или, положим, если бы мои родители были торговцами тряпьем. Вроде того бедолаги, который всучил мне тебя за два ломаных гроша. Большего ты, впрочем, и не стоишь... Жил бы себе в чумазой лавчонке, не умел бы читать, только подсчитывал бы денежки, медяшку к медяшке — и так доковылял бы себе до старости. Никаких забот, никакой печали!

Он демонстративно вздохнул, поправил на груди рубашку из шитого атласа. У плеча рубашки красовалась прореха, зашить которую не представлялось возможным: ветхая ткань расползлась под иглой.

— Нет, — продолжал лорд Форез, — меня угораздило родиться именно лордом! И именно моих родителей! Как будто богам охота была посмеяться... Впрочем, их коварство широко известно. Я даже говорить об этом не буду. И вот мой достопочтенный родитель, вместо того, чтобы продать меня кочевникам в жестокое и невыносимое рабство, отдает в обучение дяде Эмбриако. Превосходно!

Мой милый дядюшка, богатый, как кхитайский император, и с такими же причудами, охотно берет к себе племянничка. Растил его. Кормит отборным зерном, точно призового голубка в своей любимой голубятне. Воспитывает... Тьфу! Обучает владеть мечом и все такое. А

книги... Великие боги, какие у достопочтенного Эмбриако есть книги! В богатейших окладах. С рисунками. Даже с позолотой, кажется. И любую из этих книг я в состоянии прочесть, ибо дядюшка — чтоб его сожрали духи! — обучил меня грамоте.

А дядин сад! Как истинный пожилой чудаковатый бритунец дядя Эмбриако — коллекционер. Каких только диковинных деревьев нет него в саду! Для него специально привозят растения со всего света. Да на одних только садовников он тратит больше, чем иной земледелец — на свои поля вкупе с рабами, их обрабатывающими. Развел оранжереи, чтобы его драгоценные кустики, видите ли, не мерзли. А другие растения, ну надо же, привезены из суровых северных краев, так дядюшка нарочно держит двух рабов, чтобы те в жаркие дни обмахивали их листики опахалами. Было бы ради чего... Какие-то облезлые, чахлые, кривобокие деревца с маленькими листьями и крохотными цветочками. Но нет, они — важная часть дядиной коллекции, и он беспокоится о них больше, чем о родном племяннике.

Среди деревьев у него выстроены беседки. Не для бесед, понятное дело. Там у дядюшки собрание диковин. Статуэтки, фигурки, маски, ритуальные ножи и копья, какие-то набедренные повязки, снятые с убитых людоедов и проданные дядюшке за бешеные деньги пришлыми авантюристами. Все это расставлено по хрустальным полкам, развешано по стенам, инкрустированным костью и драгоценными породами деревьев... Ля-ля-ля... Словом, дядюшкин сад — это нечто. Туда даже водят гостей его величества, когда в Британию прибывает особо важная делегация. От короля приходят специальные люди и просят дядюшку устроить у себя прием. Ну, каково?

И вот, после всего этого... меня выдворяют в родительский дом. Потому что матушка моя, извольте видеть, испустила дух. От горя, как утверждают соседи, но лично мне кажется, что от беспробудного пьянства. Что до отца...

Тут лорд Форез сжимает кулаки, не в силах продолжать.

Ибо Форез-старший покончил с собой, когда понял, что окончательно спустил все свое состояние. И добро бы он его, скажем, проиграл какому-нибудьциальному, заранее известному лорду. Тогда оставалась бы надежда. Отыграться, выкупить имущество — убить этого лорда, в конце концов! Но нет, судьба распорядилась иначе.

Деньги Фореза уходили постепенно, к разным людям, по мелочам. Он проигрывал их, он покупал совершенно ненужные вещи, которые потом ломались. Затем у него сгорел дом, и вся семья вынуждена была перебраться в маленькую лачугу на окраине Пайрогии. Остатки денег они пропили.

В свое время бездетный Эмбриако охотно взял к себе маленького племянника. Форез-старший и его супруга наивно полагали, будто дядя обеспечит их сына и устроит хотя бы ему безбедное существование. Плохо же они знали своего родственника!

У дядюшки Эмбриако, кроме Фореза, имелось еще несколько племянников. И все они так или иначе претендовали на наследство. А у Фореза, кроме всего прочего, был скверный нрав, так что в один далеко не прекрасный день между юным Форезом и дядей Эмбриако произошел весьма неприятный разговор.

Призвав к себе племянника (сына двоюродной сестры, чтобы быть уж совсем точным), Эмбриако произнес:

— Я хотел бы знать, дорогой Форез, правда ли то, о чем говорили вчера в доме графа Сабрана.

— Что именно? — потягиваясь с нарочито нахальным видом, вопросил Форез. — Обо мне рассказывают самые разные вещи...

Тогда эта рубашка из шитого атласа была совершенно новая. Она сверкала и переливалась в свете масляной лампы, которая горела на столе, освещая стакан вина, блюдо с фруктами и

кольцо с дорогим камнем, несомненно, женское, ибо предназначалось для очень тонкого пальчика.

— Ты знаешь, о чем я! — рассердился Эмбриако. — Ты соблазнил дочь графа.

— Она сама соблазнилась, дядюшка, — при воспоминании о девушке Форез невольно облизал губы. — Ты даже не представляешь себе, как испорчены бывают эти так называемые невинные юные аристократки.

— Граф имел со мной весьма неприятную беседу, — продолжал Эмбриако.

— Если он хочет, чтобы я женился на его дочери, то я согласен, — тотчас сообщил Форез. — Она премилая штучка. Такая сладенькая!

Он засмеялся.

— И приданое у нее тоже весьма сладенькое, — добавил Форез после паузы. — Так что передай графу, что я завтра же готов...

— Граф велел сказать, — перебил дядюшка Эмбриако, — чтобы ты не приближался к его дому и на три полета стрелы!

— Не может быть! — Форез даже подскочил от неожиданности. — Я ведь ее обесчестил! Дядя! Это несправедливо... Я обиживал ее больше месяца. Потратил на нее кучу карманных денег, которые ты так милостиво выдавал мне... Я находил для нее разные заморские диковины. Я даже нашел способ уложить ее в постель. Клянусь всеми богами, я лишил ее невинности и теперь готов жениться!

— Милый мой Форез, — сухово ответил Эмбриако, — ты плохо представляешь себе ситуацию. Ты — сын дурных родителей, которые поспешили избавиться от тебя, чтобы не испытывать беспокойства за твою судьбу. Они препоручили тебя мне...

— Ну да, — охотно поддержал Форез. — Что тут непонятного? Ты обеспечишь мое будущее. Разве это не так, дядя?

Эмбриако пожал плечами.

— Ты не единственный мой родственник. Кроме того, пока я жив, — а я еще долго буду жив, учти это, — я могу прекратить давать тебе деньги в любой момент.

— Но ведь ты не сделаешь этого? — пробормотал Форез.

— Еще как сделаю! — заявил Эмбриако.

— Но дядя... Я же сказал, что обесчестил...

— Можешь не носиться с этим подвигом. У девушки такое приданое и такое безупречное происхождение, что она найдет себе выгодного мужа при любых условиях. Даже если останется с целым выводком маленькихbastardиков, которых ее отец, граф Сабран, не успеет утопить в реке.

— Клянусь Бэлит! О чем ты говоришь, дядя?

Дядя схватил племянника за плечо и сильно толкнул.

— О том, что ты сейчас же соберешь свои вещи и покинешь мой дом! Не пытайся убить меня. Я предполагаю, что ты совершишь несколько покушений в надежде получить наследство.

— Ну, дядя... — беспомощно промямлил Форез. Однако глаза его горели ненавистью, и Эмбриако хорошо понимал значение этого взора.

— Я сообщил городским властям, и правительству, и начальнику сыска, о наших с тобой отношениях. Если я умру при подозрительных обстоятельствах, ты будешь первым, кого повесят.

Мне обещали, что виселицу установят прямо на моей могиле.

— Боги! Дядя! Ты жесток.

— Всего лишь предусмотрителен, — сказал Эмбриако.

И вот Форез с двумя сундуками, набитыми под завязку красивой одеждой, покинул дядин дом и перебрался в жилище своих покойных родителей.

— Если бы я не был лордом, — бормотал он, — если бы у меня не было богатого дядюшки, который не собирается умирать и наделять меня наследством... А ведь существуют еще и другие наследники! И ни одного из них я и пальцем тронуть не смею.

Это печалило его больше всего. Голодая, отказывая себе во всем, Форез поначалу старался держаться молодцом. Он по-прежнему бывал в обществе и посещал прежних знакомых. Это продолжалось недолго — пока его роскошная одежда не пообносилась. После этого он перестал показываться в богатых кварталах и стал избегать людей, с которыми прежде водил знакомство.

Единственная мысль засела у него в голове: как извести дядю и наследников-конкурентов таким способом, чтобы никому не вздумалось заподозрить в покушении Фореза?

Часами бродил он по Пайрогии, заходя иной раз в самые опасные воровские кварталы. Там его не трогали — многие знали опустившегося лорда и если не сочувствовали ему (вряд ли обитатели воровского дна были способны на сострадание), то, во всяком случае, понимали: с этого человека взять нечего.

А Форез присматривался к встреченным головорезам. Те хлебали скверное пойло прямо из бутылей или из битых кружек в грязных тавернах, бахвалились друг перед другом, затевали стычки и задирали безобидных с виду прохожих — иной раз нарываясь на еще более жутких убийц, нежели они сами.

Казалось, ни одно дело, даже самое отвратительное, не вызвало бы у них затруднения. Но... Как убить Эмбриако и двоих других претендентов на его наследство? Зарезать из-за угла? Кто бы это ни сделал, подозрение в любом случае падет на Фореза. Отравить? Задушить? Сжечь вместе с домом? Выманить дядюшку в загородную поездку и организовать «несчастный случай» — скажем, с обезумевшей лошадью, которая ни с того ни с сего понесет и сбросит всадника в подходящую пропасть?

Нет, нет, нет...

Форез был близок к отчаянию, когда в трущобах Пайрогии встретил одного кхитаца.

Это был очень старый, очень оборванный кхитаец. Он сидел на обочине и уныло, безнадежно просил милостыню. Ему почти не подавали. И не потому, что жители Пайрогии такие уж бессердечные скоты, вовсе нет! Большинство из них попросту не замечало крохотного старишка в серых штанах и серенькой рваной рубахе, с плоской шляпой, привязанной к голове веревочкой, и с погасшей тонкой трубкой в редких желтых зубах. Казалось, этот человечек слился с мостовой.

Форез обратил на него внимание потому, что споткнулся о его ноги. Выругавшись, лорд-неудачник наклонился и вдруг встретился взглядам с пристальным взором очень узких раскосых глаз. В первое мгновение Форез испугался: кхитаец показался ему каким-то демоном, порождением тумана и болезненного воображения. Затем «демон» заговорил.

— Ты опрокинул моя чашка, — сообщил он. — Ты рассыпал моя деньги.

Форез действительно вывалил на мостовую те три или четыре медяка, что лежали на донышке плоской чашечки, стоявшей у ног нищего. Он поддал ногой по чашке, и она разбилась.

— Ты разбил моя чашка, — бесстрастно сказал кхитаец.

— Ну и плевать! — объявил Форез.

Он вознамерился было идти дальше, но крохотный нищий подпрыгнул, вскочил на ноги и вдруг оказался прямо перед Форезом, загораживая ему дорогу.

— Ты уходишь от моя, — сказал он. — Так не годится.

Форез попытался отшвырнуть его, но не тут то было. Старичок словно прирос к мостовой. Он показался обнищавшему лорду чугунным, так он был тяжел.

— Что тебе надо? — сдался Форез.

— Я хочу деньги, — сказал нищий.

Форез подбоченился, запрокинул голову и оглушительно расхохотался. Его безрадостный смех прозвучал глухо. Были уже сумерки, и туман быстро сгущался на улицах города. Даже эхо, казалось, оглохло здесь, в узком, точно ущелье, переулке.

— Что тут смешная? — осведомился нищий

— Смешная тут то, что у меня самого нет денег, — ответил Форез. — Позволь мне идти своей дорогой.

— Нет, так не годится, — кхитаец покачал головой. — Почему у такая важная лорд нет деньга?

— Потому что дядя Эмбриако выгнал важная лорд из дома, а родители этого важная лорд — жалкие неудачники и пьяницы, и я надеюсь, что теперь, когда они умерли, все демоны преисподней терзают их плоть своими гнилыми зубами! — взорвался Форез.

— Так не годится, — сказал кхитаец. — Нельзя так говорить о родители. Родители надо почитать. Умершие надо почитать.

— Если бы они оставили мне приличное наследство, я почитал бы их от всей души, — заверил Форез своего странного собеседника.

Тот качал головой, точно заведенный.

— Нет, нет. Такие, как ты, никого не почитать. Даже если бы было наследство.

— В любом случае, его нет, так что и говорить не о чем.

— Всегда есть о чем, — сказал кхитаец. — Расскажи мне о дядюшке.

И Форез, сам не зная, почему это делает, привел нищего старика-кхитайца в свой нищий дом, усадил там на единственный стул, а сам устроился на полу. Хотя, если подумать, умнее было бы сделать все наоборот: кхитайца, привыкшего сидеть на циновках, следовало бы разместить на полу, а самому сесть на стул.

Но Форез хотел быть гостеприимным, и кхитаец оценил это. Он стоически сидел, выпрямившись на стуле, хотя к концу разговора у него страшно разболелась спина.

А разговор получился весьма примечательный.

— Для начала расскажи, кто ты такой, — потребовал Форез. — А то ты все обо мне знаешь, а я о тебе — только самую малость.

Кхитаец прищурился, хотя поначалу казалось, что его глаза не смогут сузиться еще больше.

— А что ты про меня знаешь?

— Ну, что ты — кхитаец. Что ты — нищий.

— Почему нищий? — удивился кхитаец.

— Разве ты не просил милостыню? — удивился, в свою очередь, Форез.

— Может быть, — сказал кхитаец. — Но я не нищий. Я очень-очень богатый. — Он приложил палец к виску. — Вот здесь. Я имею много знания.

— Отлично! — воскликнул Форез не без яда. — Что-то я не вижу, чтобы это знание тебя кормило или давало тебе кров над головой!

— Сейчас увидишь, — обещал кхитаец.

— Кроме того, ты — старик, — продолжал Форез.

— Это точно, — на сей раз кхитаец не стал возражать.

— Что еще я должен знать о тебе?

— Что я могу тебе помочь...

Форез напрягся.

— Каким именно образом?

— Я знаю, как убить несколько человек. И никто не поймет, почему это случилось, — сказал кхитаец бесстрастно. — Все будут только недоумевать.

— Невозможно! — воскликнул Форез. — Я размышлял над проблемой день и ночь

несколько лет, и все без толку. Ни один наемный убийца...

— Ты так глуп! — вскричал кхитаец, ерзая на стуле.

Форез пропустил оскорбление мимо ушей. Он видел, что кхитаец очень возбужден. И это волнение поневоле передавалось молодому человеку. Неужели нашел? Неужели сейчас он услышит о способе устраниТЬ и дядюшку, и кузенов?

— Ты должен ехать в Кхитай, — сказал после паузы старик.

Форез поперхнулся. Многое он ожидал услышать, но только не это!

— Должно быть, ты выжил из ума, — сказал Форез устало. — Как я поеду в Кхитай? У меня нет денег.

— Будешь обольщать женщин, — старик гаденько хихикнул. — Говорят, ты это умеешь.

— Кто говорит?

Форез огляделся по сторонам, словно ожидая увидеть сплетника прямо здесь, в своей маленькой убогой комнатушке.

— Твои вещи, — пояснил старик. — Ты считаешь себя красавцем. Если тебя умыть, причесать и одеть, то так, наверное, и покажется многим глупым женщинам. Мне неважно, как ты поедешь в Кхитай. Я расскажу тебе какую вещь ты должен там найти.

Они проговорили почти до рассвета. Форез то верил старику вполне и принимался рыдать от счастья, то вдруг его охватывали сомнения, и тогда он метался по комнате и рвал на себе волосы. Старый кхитаец наблюдал за ним с тихой улыбкой. Что-то забавляло нищего в том, как ведет себя молодой, вспыльчивый лорд, которого угораздило родиться бедным.

Наконец солнце пробило туман лучами-копьями, и на улицах стало светло. Заглянул отважный маленький лучик и в хибару Фореза. Старик-кхитаец дремал на стуле, свесившись набок и уронив голову на грудь, а молодой лорд сверлил его взглядом и грозно кусал себе губы. В конце концов он заговорил:

— Ну, хорошо, положим, я поверю тебе и соглашусь... Но тебе-то какая польза от всего этого?

Кхитаец дернулся на стуле, встрепенулся, как птица, которую потревожили, и заморгал.

— Я только глупая старая кхитаец, — сообщил он. — Я хочу жить твой дом, есть твой пища и просить мой милостины на улицах Пайрогии

Форез покинул Пайрогию пешком и двинулsя на восток. В небольшом городке на самой границе Бритунии он нанялся охранником в караваи, направляющийся к Турану. Его охотно взяли. Охранников не хватало, а время поджимало. Купцы торопились доставить товар в Туран, где их уже ждали; в случае опоздания хорошая партия туранских ковров могла уйти к конкурентам. И как на грех накануне вечером двое охранников передрались, и один убил другого.

Разумеется, убийца был передан городским властям, так что теперь караванщиков охраняло всего три человека.

Фореза наняли охотно, но... за половинную плату. Молодой лорд на собственной шкуре убедился в том, что среда наемников обладает такой же строгой иерархией, что и аристократическая. Может быть, даже более строгой. Человека со стороны, без рекомендаций и знакомств, принимают крайне неохотно, ему не доверяют и задирают — до тех пор, пока ему не представится случай доказать свою компетентность.

Однако выхода не было. Форезу требовалось попасть на восток. Молодой, сильный, обученный владению оружием, он вполне полагался на собственные силы.

Жизнь вскоре преподнесла лорду первый урок. На первом же ночлеге Форез, следуя давней привычке, забрал себе самый удобный матрас из всех, что имелись в телеге с припасами и

пожитками странников, и устроился на ночлег под телегой. Вдруг дождь? Форезу совершенно не хотелось промокнуть.

Его разбудили, едва он смежил веки, причем сделали это самым грубым образом: сперва спящего вместе с тюфяком выволокли из-под телеги, а затем отдубасили палками и отпинали сапогами. Форез мог только слабо отмахиваться руками и вскрикивать:

— Вы что? Почему?

Начальник стражи каравана схватил его за шиворот и подтащил прямо к своим глазам. Оскалившись, он прорычал в лицо ошеломленному Форезу:

— Это — мой тюфяк! Это — мое место! А ты — никто, и спать будешь на голой земле под открытым небом!

С этим он швырнул Фореза на землю. И тот, поплакав и поворочавшись, заснул прямо на камнях.

Следующая неделя превратилась для него в пытку. Избитое тело болело, и Форез не мог даже позволить себе минуту отдыха. Ему приходилось ехать на лошади или идти пешком. В телегу его не пускали — из опасения, что он сожрет припасы, предназначенные для долгого пути. К голоду молодой лорд привык давно, но к такому обращению, как он полагал, привыкнуть невозможно

С этим караваном Форез расстался без всякого сожаления на самой туранской границе. Чуть позже он нанялся в следующий, где к нему относились гораздо лучше. Во-первых, теперь он мог назвать имена некоторых наемников, а во-вторых, весь его вид свидетельствовал о том, что Форез — третий калач. Он загорел, одежда на нем пропиталась потом. На барахолке, где продавалось краденое и снятое с убитых, Форез прикупил себе кожаную безрукавку и кожаные же штаны, а также модные среди наемников сапоги с тяжелыми носками. Это повысило ему жалованье почти в полтора раза.

До Кхитая он добрался через полгода уже бывалым воином. На его счету был даже один убитый разбойник, так что вскоре некоторые молодые наемники начали ссылаться на свое знакомство с лордом Форезом. Его так и называли — «лорд Форез», как бы в насмешку. Потому что Форез, не оставляя надежды когда-нибудь завладеть наследством и войти в высшие слои общества, продолжал щеголять aristokratischen манерами. Они сделались его отличительной чертой — подобно тому, как другие наемники носили серьгу или разукрашивали себе щеки татуировкой.

Кхитай открыл ему поначалу в виде бескрайних полей, залитых водой. По колено в воде бродили маленькие желтолицые люди, и у каждого к голове была привязана веревочкой плоская шляпа, соломенная, с растрепанными краями. Совсем как у нищего, который завладел теперь лачугой Фореза в Пайрогии.

Лорд Форез с интересом рассматривал поля и работающих там людей. Неужели эти крестьяне, довольствующиеся такой жалкой участью, принадлежат к тому же самому народу, который породил мудрых колдунов и удивительных каллиграфов?

Форезу доводилось видеть работу кхитайских художников — такую тонкую, что она, казалось, не под силу была грубой человеческой руке. Вероятно, таким художникам помогают духи их народа.

А может быть, продолжал раздумывать Форез, у кхитайцев все разделено: вся тяжелая работа досталась одним, а все изящество — другим?

Впрочем, он скоро изменил свое мнение, поскольку любой из крестьян, как оказалось, в состоянии был нарисовать удивительный значок с причудливыми очертаниями и объяснить, что этот значок обозначает.

Фореза интересовало, как выглядят вывески трактиров и борделей. «Чтобы не перепутать и не спросить где-нибудь на таможне девочку для услуг», — объяснил он на ломаном кхитайском, помогая себе бурной жестикуляцией. Когда кхитайские крестьяне поняли, чем интересуется этот рослый человек с круглыми глазами и для чего ему знать смысл некоторых иероглифов, их веселью не было границ. Они охотно обучили Фореза нескольким значкам, заставили десятки раз повторить звучание незнакомых ему прежде слов, а заодно напоили крепкой рисовой водкой и накормили пресным рисом.

Ошалевший от их гостеприимства, Форез отправился дальше. С собой у него была теперь горстка риса и свежая вода в маленькой фляжке.

Бывалый путешественник и бравый солдат-наемник, лорд Форез чувствовал себя как нельзя лучше. Он нигде не пропадет! То и дело он посматривал на табличку, где для него нарисовали иероглифы, чтобы получше их запомнить.

Город, который он искал, назывался Ло Фо

Небольшой городок совсем недалеко от границы, объяснил лорду Форезу старик кхитаец. Там встречаются иностранцы, так что Форез не обратит на себя слишком большого внимания.

Нужно остановиться в любом трактире. Нужно платить чуть больше, чем спрашивают, за еду и крышу над головой, тогда хозяева трактира отнесутся к постояльцу как к родному сыну и ответят на любые его вопросы.

Прожив день или два в полном безделье, надлежит узнать, где можно найти человека по имени Хань Ду.

У Хань Ду дурная репутация, потому что он содержит очень плохой бордель. Но если хозяева трактира отнесутся к постояльцу как к родному сыну, они расскажут ему даже про Хань Ду.

Оказавшись в чужой стране, Форез решил в точности следовать инструкциям своего наставника, и потому действительно остановился в трактире и начал сорить там деньгами.

Кроме нескольких чиновников невысокого ранга, которые путешествовали по важным поручениям своих начальников, в трактире обитал еще один круглоглазый. Это был рослый детина с копной черных волос и ярко-синими глазами. Не такими уж и круглыми, кстати, вечно прищуренными, словно их обладатель пытался рассмотреть чуть больше, чем открывалось простому взору.

Детину звали Конан, и выглядел он точно таким же наемником, каким был и лорд Форез. Знакомство они свели тем же вечером. Иначе и быть не могло: двое иностранцев в далеком Китае, в одном трактире... Да еще оба — наемники!

Форез назвал свое имя, слабо надеясь на то, что до Конана уже доходили рассказы о том, как он, Форез, храбро убил целого одного бандита.

Однако Конан только фыркнул;

— Форез? Впервые слышу.

— Меня называют «лорд Форез», — добавил наемник вкрадчиво.

— А почему? — удивился Конан. — Вот меня называют киммериец, это потому, что я из Киммерии. А ты что, настоящий лорд?!

— Может быть, — скромно пожал плечами Форез.

— А может быть, и нет! — захотел варвар оглушительно и потребовал еще рисовой водки. Водку подавали подогретой в крошечных чашечках. Конан проглатывал содержимое этих чашечек, одну за другой в страшных количествах точно устриц, и совершенно не хмелел. Зато у Фореза все плыло перед глазами. Киммериец заметил это и дружески посоветовал:

— Ты, приятель, много этой дряни не пей. С непривычки может стать очень плохо.

Форез только двинул бровями. Оказалось, что киммериец прав. Скоро лорд уже плохо

соображал, где находится и с кем разговаривает.

— Мне нужно отыскать бордель, — лепетал он.

— Ну, не сейчас же! — резонно возражал ему варвар. — Да и к чему тебе какой-то бордель? Я могу познакомить тебя с чудесными девушками без всякого борделя. Они охотно примут в объятия такого мужчину. Им нравятся мужчины с запада.

— Не какой-то бордель, а совершенно определенный, — пьяно настаивал на своем Форез. — Который содержит этот... как его... урод один... кхитаец, в общем...

Он замолчал, мучительно припоминая имя содержателя. Наконец сказал, как будто выплюнул:

— Хань Ду!

— Хань Ду? — удивился Конан. — Но у него очень плохой бордель!

— А чем он плох, а? — поинтересовался Форез.

— Женщины старые, в комнатах грязно. Угощение никудышное, — начал перечислять варвар. — Да еще и цены высокие. Бывают такие места — ни одного достоинства.

— Но ведь как-то он существует? — не унимался Форез.

— В этом скрыта самая большая кхитайская тайна, — согласился Конан. — А для чего тебе такое место, как заведение Хань Ду?

— Мне его... порекомендовали, — сообщил Форез. И погрозил Конану пальцем: — Только — сс!

— Порекомендовали? — удивился варвар. И вдруг насторожился. Что-то почудилось ему в облике Фореза. Хоть тот и плохо соображал, но говорил весьма связно. Имелась определенная логика во всех этих высказываниях. И очень эта логика варвару не понравилась. Нутром он чуял: неспроста разыскивает бритунец этого Хань Ду.

— Ну да, — продолжал Форез. — Мой друг и рекомендовал... У меня есть друг кхитаец.

— У меня тоже есть друг кхитаец, — сказал Конан, — и он мне решительно не советовал...

— А мой кхитаец, наоборот, очень даже советовал... Как ты думаешь, если твой кхитаец против моего кхитайца... то кто победит?

Конан подумал о своем друге, кхитайском каллиграфе Тьян-По, с которым познакомился при довольно странных обстоятельствах, в замке, полном колдовства и загадок. С тех пор им не раз доводилось вместе переживать различные приключения, и маленький каллиграф успел по-настоящему подружиться с рослым верзилой варваром.

Однако ни о чем из этого Конан не успел рассказать своему новому знакомцу, потому что Форез, упав лицом на стол, крепко заснул.

Наутро выяснилось, что стремление Фореза оказаться в борделе, пользующемся скверной репутацией, ничуть не угасло.

Напротив, проспавшись и окончательно придя в себя после вчерашнего, лорд Форез был бодр и полон планов.

— Что ты там забыл? — недоумевал Конан.

— Определенного представления о том, что именно мне требуется, пока что нет, — честно признался Форез. — Впрочем, могу намекнуть. Я проделал весь путь из Британии до Китая специально для того, чтобы повидаться с этим Хань Ду. Ну как? Что скажешь?

— Загадочно, — признал Конан. — А нельзя ли мне побольше узнать о том твоем кхитайце? Ну, о том, который присоветовал встретиться с Хань Ду...

— Отчего же... — Форез пожал плечами. — Впрочем, многого о нем я тоже сообщить не смогу. Обычный старый нищий.

— Где вы познакомились? — настойчиво продолжал расспросы киммериец.

— В Бритунии...

— Обычный нищий! — Варвар уставился на Фореза ярко-синими глазами. Усмешка расползлась по загорелому лицу варвара. — Просто старенький кхитаец в Бритунии. Такое ведь на каждом шагу встречается, не так ли?

Лорд Форез густо покраснел.

— Я хочу сказать, что в самом нищем ничего странного не было. Может быть, судьба забросила его слишком далеко от родной земли, и это обстоятельство можно счесть не вполне обычным. Согласен. Ты ведь знаешь этих попрошаек, которые прикидываются мудрецами, чтобы только разжалобить богатеньких господ!

Перед киммерийцем — даром, что тот был необразованным варварам, неотесанной дубиной, грубым наемником и пьяницей к тому же, — орд Форез чувствовал себя глупым мальчишкой. Изысканное образование и аристократическое воспитание подмогой ему сейчас никак не служили. Это не могло не раздражать.

— Итак, он пытался разжалобить богатеньких господ своей псевдо-мудростью, — безжалостно сказал Конан. — Кто у нас богатенький? Ты? — Киммериец смерил своего собеседника с ног до головы критическим взглядом. — Не думаю! — заключил Конан таким тоном, как будто завершил врачебный осмотр и нашел пациента не вполне здоровым.

— Ну... — замялся Форез. — Я, конечно, не...

— И много он получил от тебя?

— Весь мой дом, — признал Форез. — Правда, домик так себе...

— А ты по его совету потащился в Кхитай! Не такая уж она ложная, мудрость твоего нищего кхитайца!

— Ты покажешь мне, где находится заведение Хань Ду? — рассердился наконец лорд Форез. — Или я буду разыскивать его сам!

— И наткнешься, пожалуй, на чей-нибудь нож, — пробормотал Конан. — Здесь гораздо больше негодяев, чем ты предполагаешь, дружище. Кхитайцы только с виду народ смиренников. На самом деле разбойного люда они породили ничуть не меньше, чем бритунцы.

— Или киммерийцы, — попытался пошутить Форез.

Но Конан не улыбнулся.

— Киммерийцы, возможно, и превосходят их, — вполне серьезно заметил он, — но в том, что касается всех прочих... Ладно. Провожу тебя

Они вместе покинули таверну и отправились бродить. Фореза поразило, как легко ориентируется Конан в лабиринте узеньких улочек, словно бы нарочно сплетенных в тесный клубок, как умело и вежливо разговаривает с местными. Конан был выше их на две головы самое малое, но они охотно вступали с этим великаном в беседу. Более того! Какой-то приезжий кхитаец, чиновник невысокого ранга, заблудившийся среди лавочек, торгующих креветками, пресным рисовым хлебцем и подслащенной водой, обратился к Конану с вопросом о том, как ему выбраться к Дворцу Присутствия — месту, где заседают чиновники. Это просто потрясло Фореза. Конан показал чиновнику дорогу. Кхитаец, благодарно поклонившись, поспешил по своим делам, а Форез обратился к Конану:

— Он что, принял тебя за местного жителя?

— Возможно. — Конан пожал широченными плечами. — Меня почти везде принимают за местного.

— Боги! Как тебе это удается? Ты не похож ни на что из встреченного мною прежде!

— Это-то и подкупает, — хмыкнул Конан. — Скажу тебе больше. Некоторые чернокожие из Черных Королевств полагают, что я — негр по имени Лев Амра, жуткий пират и гроза морей.

— Негр? Боги, помогите мне! Уж не оборотень ли ты?

Выпалив это, Форез тотчас пожалел о сказанном. Гигантская ручища варвара схватила его за горло. Синие глаза блеснули у самых выпущенных глаз Фореза.

— Я — Конан из Киммерии, — тихо сказал варвар. — И это все. Никогда — слышишь ты? — никогда не предполагай, что я буду дружить с духами, демонами, колдунами, оборотнями, ведьмами и прочей нечистью! Я их ненавижу. Ясно тебе?

— Ясно, — прохрипел Форез. — Отпусти же меня.

Конан разжал пальцы и пробурчал:

— Ладно.

Заведение Хань Ду предстало перед ними в конце переулка, стиснутого лотками и прилавками. Здесь пахло рыбой и водорослями, хотя до, моря было далеко.

Рыбу привозили издалека, обложив ее льдом с горных ледников. Однако эта мера предосторожности помогала не всегда. Рыба попадала в городок чуть подпорченная, и оттого острый морской запах становился еще сильнее.

Два круглых фонарика тихо покачивались над входом. В окне маячила толстая женщина с обиженно надутыми губами. Замученная худышка шваркала тряпкой по крыльцу, видимо, пытаясь придать заведению сколько-нибудь приличный вид. Удавалось ей это плохо.

Конан остановился.

— Ты по-прежнему уверен, что желаешь видеть Хань Ду?

Форез нерешительно кивнул и шагнул вперед Киммериец смотрел ему в спину и покачивал головой. Затем крикнул:

— Учи, вызволять тебя отсюда я не буду!

Форез обернулся, помахал ему рукой и исчез за обтрепанной занавеской, сплетенной из тростника.

Он очутился в небольшом помещении, где тускло чадила масляная лампа. Здесь пахло странными благовониями и дымом ароматических курильниц.

Любой знаток сказал бы Форезу, что все благовония — самого дурного качества, но для бритунца это было не очевидно, поскольку он вообще в этих тонкостях не разбирался.

Толстая женщина — та, что была видна с улицы, — пошевелилась у окна. На ней был неряшливый шелковый халат, наброшенный прямо на голое тело. Форез увидел жировые складки уставшей немолодой плоти, и ему сделалось противно.

— Ну? — сипло спросила женщина. — Ты принес что-нибудь покурить старой добрый Фу?

— Насчет Фу — определенно, — вздохнул Форез.

Женщина, не поняв его, склонила голову набок. После короткого молчания она повторила вопрос:

— Ну, так ты принес покурить для старой добрый Фу?

— Нет, — сказал Форез. — Я хочу видеть Хань Ду. У меня к нему важное дело. И если старая добрая Фу проводит меня к хозяину...

— А... — Женщина глубоко вздохнула, отлепилась от окна и двинулась к Форезу. — Ладно. Я провожу тебя.

Она зашлепала по нечистому полу босыми пятками. Форез скользнул за ней. Молодой человек старался двигаться осторожно, но все равно то и дело задевал выступающие из темноты предметы: то полочка с какими-то сосудиками окажется на пути и возмущенно задребезжит, то кованый сундук вцепится в лодыжку твердым углом. Когда Форез добрался до господских покоев, он был уже весь избит и покусан, как ему казалось. «Старая добрая Фу», естественно, не обращала никакого внимания на страдания бритунца.

— Господин! — крикнула она хрипло, обращаясь к циновке, загораживающей дверной проем. — К тебе пришел какой-то глупый верзила.

Оттолкнув женщину, Форез нырнул за циновку и остановился, изумленный.
В крохотной комнатке с низеньким потолком горели сотни миниатюрных ламп.

Светильники были сделаны в виде раскрытых цветков лотоса. Их алебастровые лепестки источали бледное сияние. По всей комнате бегали матовые пятна света.

Некоторые из ламп, как почудилось Форезу, висели прямо в воздухе. Должно быть, они прикреплены к потолку тонкими цепочками, смятенно подумал бритунец.

Он был так увлечен этими лампами, что не сразу заметил сидящего в комнате человека. И человек этот был не менее примечательным, чем светящиеся лотосы. Это был маленький кхитаец гораздо меньше обычного человека — карлик со сморщенным раскосым и плоским лицом. Его глаза тонули в складках, зато ноздри, короткие и вывороченные, глядели с лица двумя округлыми отверстиями. Коричневые губы в окружении морщин шамкали.

Он сидел прямо на полу, где не было никакой мебели, если не считать мятого и совершенно вытертого ковра. Когда Форез присмотрелся, он не без удивления заметил остатки узоров: давным-давно ковер был изготовлен в Туране. С тех пор прошло, наверное, несколько сотен лет.

— Садись, — прошептал Хань Ду.

Форез подогнул ноги, опустился на колени, а затем устроился, как умел, на пятках.

Он подготовился рассказывать Хань Ду свою историю — о нищем, о странном совете отправиться в Кхитай, о своем путешествии... Но Хань Ду слабо махнул рукой, словно отметая подробности как нечто излишнее и ненужное.

— Оставим все, — зашелестел его голос. — Говори о главном.

— Главное? Ну... — Форез замялся. — У меня есть богатый дядя и двое кузенов. Я хочу получить дядины деньги так, чтобы они, во-первых, достались только мне, а во-вторых, чтобы никто не заподозрил меня в покушении на жизнь достопочтенных родственников. Вот и все. Это — если в общих чертах.

— Большего знать и не требуется, — захихикал Хань Ду.

Форез не верил своим ушам.

— И ты готов помогать мне? — переспросил он изумленно. — Вот так, ни о чем больше не спрашивая?

— Конечно, — заявил кхитаец.

— Но... ты ведь назовешь свою цену? — продолжал Форез. — Я не могу ведь просто так взять у тебя какой-нибудь яд или... — Он нервно огляделся по сторонам. Теперь два или три светильника раскачивались в воздухе, и Форез ясно видел, что никакие цепочки или ленты не крепят их ни к стенам, ни к потолку. Они попросту плавают в воздухе. — Или заклинание, — сглотнув, выговорил лорд Форез.

— Заклинание? — Кхитаец затрясся от смеха. — Ну нет! Я еще не настолько стар и выжил из ума, чтобы отдать в руки глупого бритунца заклинание! Ты все испортишь. Ты ничего не смыслишь в магии.

— Это правда, — не стал отпираться Форез. — Но я... ни перед чем не отступлю.

— Хорошо, хорошо... Я дам тебе одну вещицу. Тебе ничего не придется делать. Просто возьми ее и спрячь. Никому не рассказывай. Никому не показывай. Ты меня понимаешь?

Форез кивнул. Его руки прыгали от жадности. И все же он нашел в себе силы спросить:

— Но ведь ты потребуешь что-нибудь взамен?

— А как же! — произнес кхитаец и затрясся от беззвучного смеха. — Но ты узнаешь об этом после. Да, после... — Он призадумался, как будто что-то взвешивал в уме.

Форез пристально следил за ним, покусывая в нетерпении губу. Больше всего на свете молодой человек боялся, что Хань Ду вдруг передумает и откажется ему помочь. Он уже видел, как это бывает. Человек вдруг напрягается, лицо у него делается отсутствующим, и

изменившимся тоном он объявляет, что никакого обещания он не давал, и вообще никакого разговора не было. Так, например, повела себя с ним дочь графа Сабрана. Еще вчера умильно улыбалась при виде Фореза, а сегодня уже изображает, будто они едва знакомы. Но об этой лицемерке лучше и не думать. Стоило совращать ее с пути истинного, чтобы тебя потом выставили из дома! Форез скрипнул зубами и тут заметил, что кхитаец внимательно наблюдает за ним. Наблюдает с застывшей улыбкой на сморщенном лице.

— Я дам тебе кое-что, — повторил он. — Мне нужно, чтобы это оказалось в Бритунии. Только и всего. Ты меня понял? Ты сделаешь так, как я тебе повелю: возьмешь это и подаришь дядюшке.

Ни о чем не рассказывай. Никому.

— Но я...

Форез хотел сказать, что не слишком доверяет пещам, достающимся бесплатно. Как говорила кухарка в доме дядюшки Эмбриако, бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

Кхитаец приподнялся и вдруг сделался гораздо выше ростом. Теперь его седенькая лысеющая макушка почти доставала до потолка.

— Ты сделаешь, как я сказал! — проговорил он совсем другим голосом, звучным и гремящим.

Форез съежился. Под пронзительным, пылающим взглядом кхитайца он почувствовал себя совсем маленьким, ничтожным. Вместе с тем в глубине души лорда Фореза зародилась досада. Как так! Почему он, лорд Форез, трепещет перед каким-то Хань Ду, содержателем плохого борделя на кхитайской границе?

Но это было правдой. Хань Ду пугал Фореза. Молодой человек ощущал, что в этом сморщенном карлике скрывается какая-то непонятная, таинственная сила.

— Я согласен, — пробормотал он, глядя на своего собеседника снизу вверх. — Я сделаю все, как ты повелишь, Хань Ду.

Кхитаец моргнул с таким видом, словно впервые слышал это имя. Затем вдруг расплылся в широкой улыбке.

— А! — вымолвил он. — Хань Ду. Ну конечно. Да-да. Хань Ду. А ты будешь меня слушаться, верно?

Он уселся, снова сделавшись маленьким и беспомощным старичиком со съеженным лицом, и несколько раз звучно хлопнул в ладоши.

Форез удивленно оглядывался по сторонам. Пока кхитаец нависал над ним, в комнате произошли изменения. Светильники прижались к стенам, как будто были испуганы не меньше, чем посетитель, и помаргивали оттуда. Циновка, висящая в дверном проеме, шевелилась, словно за нею кто-то прятался.

Затем чья-то невидимая рука отодвинула плетеную циновку в сторону, и в комнату медленно вплыла золотая маска. Это была старинная кхитайская ритуальная маска, изображавшая, должно быть, самую прекрасную девушку на свете. Удлиненный овал лица, пухлые губы, длинные глаза, чуть раскосо посаженные, но достаточно большие, чтобы понравиться не только кхитайцу, изящные, чувственные ноздри, — девушка была совершенством. И только если приглядеться более пристально, можно уловить едва ощутимое выражение жестокости, словно бы спящее в углах ее рта.

Маска, казалось, висела в воздухе, никем не поддерживаемая. И хотя лорд Форез успел убедить себя в том, что он готов к любым чудесам и загадкам, эта вещица поразила его до глубины души.

Покачиваясь перед его лицом, маска прошла сперва в одну сторону, потом в другую. Затем кто-то невидимый резко сдернул ее — и тотчас перед Форезом оказалась жуткая уродина. Он

отпрянул и больно прикусил себе язык, чтобы не закричать. Еще одна женщина из заведения Хань Лу, на сей раз тощая, изможденная, со сломанным носом, торчащим чуть вбок и приплюснутым, с гноящимися глазками и длинным подбородком, на котором — о ужас! — росла редкая жесткая щетина.

— Боги! — вырвалось у Фореза. — Для чего ты держишь у себя этих пугал?

Хань Ду хотела, держась за бока и встряхивая головой.

— У некоторых людей странное представление о возбуждающем, — сказал наконец кхитаец-карлик. — Большинство предпочитает полногрудых, молодых женщин. Некоторым нравятся худые, похожие на мальчиков. Иным вообще нравятся только мальчики, но сейчас мы говорим не о них. И есть особые клиенты. Особые! Такие, что обожают грязь, старость, разложение, смерть. Они стыдятся признаться в этом своим домашним. Любой поймет мужчину, который захочет повеселиться в обществе красивой девушки. Но кто поймет тайное желание мужчины провести ночь в объятиях безобразной старухи? Мое заведение — для очень немногих. Для избранных. Для несчастных, которые мнят себя отверженными. Для тех, кто не похож на всех остальных. И их, кстати говоря, гораздо больше, чем ты предполагаешь, глупый бритунец...

— Я уже ничего не предполагаю, многочтимый Хань Ду, — сдался лорд Форез. — Как только я сделал первый шаг за порог родного дома, мир предстал передо мной совершенно иным, нежели представлялся прежде...

— Ты мудр, — сказал Хань Ду. — С годами ты, быть может, научишься понимать многие вещи. О, да. Многие... — Он задумался, пожевал губами, поразмыслил. Нашел свою фразу пустой и ничего не значащей и засмеялся. — Не всякому вздору верь, бритунец, даже если его изрекают уста старика!

— Ладно, — сказал Форез. — Так я и сделаю. Но как получилось, что до тех пор, пока твоя женщина не сняла маску, я не видел ее?

— Она пряталась за маской, — объяснил кхитаец.

— Я не видел не только лица, но и всего тела, — настаивал Форез.

— Всего лишь потому, что смотрел лишь на маску.

— Нет! — Форез покачал головой. — Ты хочешь одурачить меня, не так ли? Я достаточно глуп для этого. Но все же недостаточно, чтобы не замечать, помимо лица, рук и ног. Не забывай, я — наемник, воин, я всегда слежу, не грозит ли мне опасность.

— Ну, если ты такой наблюдательный... — протянул кхитаец. — Да, это особенная маска. Не вздумай надевать ее! Опасность велика. Просто возьми ее, заверни в шелк и спрячь в свой мешок. Отвези в Британию и преподнеси своему дядюшке. Дальнейшее предоставь случаю. Рано или поздно он исчезнет, и никому не придет в голову заподозрить в этом происшествии тебя.

— Разве что кто-нибудь припомнит, что я возвращался из Кхитая и дарил дяде странные предметы для его коллекции.

— А ты устрой так, чтобы эти предметы преподнес ему кто-нибудь другой, — сказал кхитаец. И вдруг зевнул, показав беззубый рот. — Уходи. Ты меня утомил. Забирай вещь и уходи. Понял?

— Ты так и не сказал, что ты хочешь в обмен на эту маску, — напомнил Форез.

— Я свое уже получил, — объявил кхитаец. — Так что бери — пока я не передумал.

Конан застал своего друга Тьянь-По за работой: тот собирал вещи и укладывал их в дорожную корзину. Завидев варвара, кхитаец обрадовался:

— Поверишь ли, Конан, я хотел искать тебя! Мне говорили, что ты в стране...

— Для чего ты хотел меня искать? — ворчливо удивился варвар и устроился на циновках.

Маленький каллиграф взял в руки очередной письменный прибор, повертел, проверил,

остро ли заточены палочки, кольнув себе палец и сморшившись.

— Не уходи от ответа, — сказал Конан.

— Для чего один друг ищет другого? — проговорил наконец Тьянъ-По. — Повидаться, поболтать. Может быть, сходить в какое-нибудь симпатичное заведение, пропустить стаканчик...

— Я так не думаю, — объявил Конан. — Только не в нашем случае.

— Почему? — лукаво склонил голову набок Тьянъ-По.

— Потому что я — наемник, — сказал Конан. — И если меня ищут, то обычно по делу.

— Ну, не думаешь же ты... — начал Тьянъ-По, притворяясь обиженным.

— Думаю! — перебил Конан. — Так что говори, какое у тебя ко мне дело, иначе я уйду. И не скажу, какое дело у меня к тебе.

— Вот так, сразу... — огорчился Тьянъ-По. — Нет чтобы сперва выпить чаю, поговорить на разные отвлеченные темы. Я рассказал бы тебе о своих впечатлениях. Я ведь путешествовал до озера Порхающих Бабочек и видел, как восходит солнце над розовыми лотосами... Сразу за озером высится гора, на вершине которой выстроена пагода, где висят десять хрустальных колокольчиков. Если совершил правильное восхождение на эту гору, то можно достичь просветления.

— А можно не достичь, — сказал Конан. — Или свернуть себе шею. Во всяком случае, поздравляю тебя с успешным возвращением, Тьянъ-По. Ну как? Мы достаточно помололи языками без толку и теперь можем переходить к важному? Или ты хочешь поведать мне еще о чем-нибудь?

— Ты безнадежен, — сдался маленький каллиграф. — Ладно, слушай. Мне нужен компаньон для поездки в Британию.

— А при чем тут я? — спросил Конан.

— Ты — сильный, проницательный... — начал Тьянъ-По, лукаво кося глазами.

— Угу. А ты — хитрая льстивая обезьяна. Говори сразу, что надо!

— Надо охранять хитрую льстивую обезьяну, потому что она боится доверять свою драгоценную жизнь незнакомым наемникам, — сдался Тьянъ-По. — Еще она не хочет присоединяться к торговым караванам, на что есть целых две причины: во-первых, следующий торговый караван на запад отправляется только через полгода, как я выяснил, а я тороплюсь... А во-вторых...

— Довольно и первой причины, я полагаю, — хмыкнул Конан.

Тьянъ-По умолк и заморгал почти виновато.

— Ладно, — заявил киммериец великолепно, — продолжай. Для чего тебе Британия? Неужели и там появились желающие изучать каллиграфию? Что-то сомнительно. Для того, чтобы рисовать всех этих козяек, которые у вас, кхитайцев, обозначают буквы, слова и целые фразы, нужно иметь пальцы как у насекомого.

— У насекомых нет пальцев, — возразил Тьянъ-По.

Конан махнул руцищей.

— Ты меня понял, не притворяйся глупее, чем ты есть.

— Ладно. Нет, речь не идет об уроках каллиграфии, хотя некоторые женщины даже на западе имеют определенные задатки для достижения этого искусства... — Глазки Тьянъ-По блеснули, но тут же погасли. — Не отвлекай меня, варвар! — закричал он, размахивая рукавами. — Ты нарочно завел разговоры о женщинах, чтобы сбить меня с толку!

— О женщинах заговорил ты, — возразил Конан. — Я всего лишь спрашивал, для чего тебе ехать в Британию, да еще так срочно.

— Наш император получил письмо от короля Британии, — сказал Тьянъ-По. — Ты понимаешь, как это важно?

— Для императора, может быть, и важно, — беспечно отозвался Конан, — а для киммерийца Конана это абсолютно безразлично.

— У тебя нет чувства долга, — сказал Тьянь-По укоризненно. — А у меня есть. Бритунский король просит нашего императора прислать к его двору специалиста по праздникам Золотых Масок.

— То есть тебя? — уточнил Конан.

— Ну, — Тьянь-По скромно потупился, — возможно, бритунский король не вполне хорошо знает мое имя... Или вообще его не знает... Но речь шла о специалисте, а это, несомненно, я!

— Для чего бритунскому королю все эти ваши кхитайские церемонии? — продолжал удивляться Конан. Он вполне поверил своему приятелю — Тьянь-По не стал бы ему врать, но мотивы, коими руководствовался король Бритунии, оставались для него загадкой.

А загадок киммериец не любил. Тьянь-По пожал плечами и привычным движением поддернул рукава своего халата.

— Он хочет произвести впечатление на посольство Аквилонии, кажется, так он написал в письме. Сейчас в закатных странах мода на все кхитайское. А если учесть, что в Пайрогии живет самый известный на западе коллекционер кхитайских диковин... Тебе доступна моя логика, или рассказать подробнее?

— Логика доступна, — проворчал Конан, — но подробности тоже не помешают. Что за коллекционер?

Тьянь-По сморщился.

— Просто богатый чудак, я полагаю. Собирает у себя в саду различные растения, которые ему привозят со всего света. Покупает за большие деньги разные диковины у авантюристов, которые, опять же, приезжают к нему со всего света. Держит в своем имении художника, который составляет для него каталоги его коллекций.

— Что делает? — уточнил Конан.

— Рисует и подписывает. Вещь такая-то, привезена из такой-то страны, таким-то убийцей туземцев, продана за такую-то сумму и теперь хранится у нашего лорда.

— Понятно. Ты тоже хочешь что-нибудь нарисовать?

— Если придется. Но вообще-то, как я уже говорил, я должен заняться церемонией. Посмотреть, какие у нашего лорда есть вещи и каким образом эти предметы могут быть использованы для создания кхитайской церемонии. Подчеркиваю: это будет не настоящая церемония. Поскольку истинная реальна только в Китае. Но имитация должна быть по возможности полной.

— Я думаю, тебе следует не столько воссоздавать кхитайскую церемонию при помощи имеющихся под рукой предметов, — сказал Конан, — сколько имитировать ее, предварительно изучив представление людей закатных стран о том, каковы должны быть кхитайские обычаи.

Тьянь-По засмеялся и забил в ладоши.

— Ты очень хитроумен, Конан.

— Это свойство любого варвара. Нас напрасно считают тупыми. Нет никого хитрее, чем варвар.

— Разве что кхитаец... — сказал Тьянь-По. — Теперь твоя очередь. Ты знаешь обо мне все, а я о тебе — лишь самую малость.

— Я был здесь по делу, — начал Конан. — Точнее, в сам Кхитай меня занесло случайно. Я... э... уносил ноги от одного назойливого типа, который... э... считал, что я обошелся с ним не вполне справедливо. В общем, тип теперь удобряет кхи-тайскую почву, а я оказался здесь. Чему, в принципе, даже рад, ибо у меня появилась возможность повидаться с тобой.

— Превосходное начало для повести, — произнес Тьянь-По, одобрительно кивая. — Однако

продолжай! Умоляю тебя, не останавливайся.

— Ладно, ладно... — Конан Хмыкнул. — Вчера я встретил здесь еще одного человека из закатных стран. По странному совпадению, бритуница. Он уверяет, будто служил наемником, охранял караваны. Может, и не врет, вид у него действительно бывалый и несколько потрепанный, как у всякого наемника. Но вот что я тебе скажу, Тьянь-По: если он и охранял караваны, то совсем недолго. Шрамов нет, руки гладкие, ладонь не похожа на лопату. Он, в отличие от меня, — тут Конан с удовольствием глянул на собственную руку, твердую, точно деревяшка, — расставался с мечом.

— Что делал здесь этот бритунец? — Тьянь-По выглядел теперь немного встревоженным. — Его тоже занесло в Кхитай по случаю? Спасался от назойливых типов?

— Нет, мне так не показалось... Он хотел найти заведение Хань Ду. Сказал, что нарочно приехал повидать этого самого Хань Ду.

Тьянь-По даже подскочил, едва заслышиав это имя.

— Что ты говоришь! — вырвалось у маленького каллиграфа. — А сам ты бывал у Хань Ду? Конан покачал головой.

— Еще чего не хватало! Всем известно, что у него очень плохой бордель. Посмотри на меня, дружище. Разве я похож на человека, который захочет посещать плохой бордель? Да я вообще, если охота знать, не люблю бордели! У меня полно знакомых девушек, и если я пожелаю, то...

— Знаю, знаю! — Тьянь-По сморщился. — Не продолжай. Я имел в виду не девушек, а самого Хань Ду.

Конан залился багровой краской.

— Что ты сказал?

— Не то, что ты подумал, — отмахнулся кхитаец. — Хань Ду ворочает темными делишками. И если какой-то человек приезжает из Бритунии нарочно для того, чтобы повидаться с Хань Ду, значит, дело очень и очень нечисто.

— Скорее всего, торговля порошком черного лотоса, — отмахнулся Конан. — Весьма дорогостоящий способ самоубийства. Но меня это не касается. Если господин Форез намерен купить черного лотоса у господина Хань Ду, а потом продать его еще кому-нибудь господину, то это их, личное дело.

— Так-то оно так, — вздохнул Тьянь-По, — но если речь идет не о наркотике?

— А о чем? — удивился Конан. — Что еще можно вывезти отсюда — нелегального, экзотического, типично кхитайского да еще такого, чтоб дорого стоило?

— Существует много разных вещей, о которых ты даже не подозреваешь.

— Для того, чтобы хорошо спать, вкусно питаться и дожить до старости, совершенно не обязательно знать все, — сообщил Конан. — Кстати! — вспомнил он. — Этот Форез говорил, будто к Хань Ду направил его один кхитайский нищий. Очень странный нищий. Форез встретил его в Пайрогии...

Друзья призадумались. Теперь, когда Конан перечислил все, что было ему известно о Форезе, предприятие бритунского наемника начало выглядеть более чем подозрительным.

— Как ты думаешь, — сказал наконец Тьянь-По, — имеет его приезд какое-то отношение к празднику, который наш император помогает устраивать бритунскому королю?

— Возможно, — сказал Конан.

— Прямое — или косвенное? — настаивал Тьянь-По.

— Возможно, — повторил Конан. — Интересы людей могут сплетаться самым различным образом. Иногда настолько причудливо, что распутать этот клубок не под силу никому, кроме разве что богов.

Друзья помолчали немного.

— Знаешь что, — промолвил наконец Конан, — я отправлюсь в Британию вместе с тобой. Кхитаец нескованно удивился:

— А разве это не было уже решено?

— Нет. Ты меня попросил — это правда, но я не успел дать согласие...

— Теперь даешь?

Конан кивнул.

— Не нравится мне Форез. Не нравится мне Хань Ду. Мне даже этот бритунский коллекционер кхитайских диковин не нравится. Хорошо бы их всех одним махом прихлопнуть! — высказался варвар. — И вот что, Тьянь-По... Налей-ка мне чаю, да расскажи подробнее про порхающих бабочек.

Маленький караван состоял из трех человек — двух охранников и каллиграфа, — и пяти лошадей, из которых две были выночные. Они выступили в путь через два дня после встречи Конана с Тьянью-По. Форез попросился к ним в попутчики, когда узнал, что киммериец со «своим кхитайцем» направляются в Британию. Ему не стали отказывать. С одной стороны, лишний человек не помешает: мало ли что может случиться в дороге. Путь предстоит неблизкий, местами довольно опасный, так что второй охранник будет кстати. С другой стороны, Конан чувствовал, что Форез впутался в какую-то странную историю. Весьма странную. И, возможно, довольно пакостную. Так что стоит держать его в поле зрения.

Каллиграф знал себе делал таинственное лицо и помалкивал. Конан знал, что за внешностью простака скрывается человек мудрый и проницательный, но Форезу совершенно незачем знать выдающихся качествах личности Тьянью-По. Бритунскому наемнику сообщили лишь, что перед ним — знаменитый каллиграф, а также знаток обычаев и церемоний, приглашенный к бритунскому двору в качестве консультанта.

На всякий случай Конан дополнительно нашептал своему компаньону кое-какие подробности касательно Тьянью-По:

— Ты думаешь, Форез, что он просто кхитаец и все? Ошибаешься! Характер у него — бешеный! Двух помощников, которые ему не угодили, он лично превратил в полевых мышей!

— Во-первых, не двух, а трех! — подал голос Тьянью-По, который, как оказалось, прекрасно все слышал. — А во-вторых, не в мышей — тьфу! нечистое животное! и опасное! — а в обезьян.

— Разыгрываешь, — недоверчиво протянул Форез, поглядывая на Конана.

— Вовсе нет, — сказал варвар с самым серьезным видом. — Кроме того, он, — тут Конан опять покосился на Тьянью-По и понизил голос до еле слышного шепота, — большой охотник до женщин! Иной раз за ночь ублажает десяток и все ему мало!

— Враки! — сказал Тьянью-По.

Конан выпрямился.

— Только не притворяйся, что ты слышал.

— Конечно, слышал. Ты врал, что я охотник до женщин.

Конан махнул рукой, а Форез поневоле глянул на маленького кхитайца с уважением. Этот важный человечек, восседавший на лохматой выносливой лошадке с таким видом, будто готовится начать очередной урок каллиграфии у себя в храме, где жили, трудились и обучались ученики, понемногу начинал вызывать у лорда Фореза странные чувства. Молодому человеку казалось, что его дурачат, и в то же время он догадывался о том, что его спутники — не простые люди. Далеко не такие простые, какими хотели бы выглядеть.

Позднее, на привале, Конан тихо спросил у Тьянью-По:

— Неужели ты действительно слышал, как я говорил о твоей ненасытности с женщинами?

Каллиграф покачал головой.

— Конечно, нет. Я догадался.

— Как?

— Ну... Ты всегда об этом говоришь, когда хочешь произвести впечатление.

Конан сжал кулак и занес его над головой кхитайца, одновременно с тем скривив ужасную рожу. Тьянь-По засмеялся.

— Изумительно, Конан! Я никогда не пожалею о том, что пригласил тебя охранять мою персону

У моря Вилайет начинался самый опасный участок пути. Здесь давно хозяйничает банда Аббаза. В последний раз Конан сталкивался с Аббазом и его людьми чуть севернее, однако хитрый гирканец никогда не нападает дважды на одном и том же месте.

— Хорошо бы нам проскочить незамеченными, — проворчал Конан, когда впереди показались небольшие, убогие селения солеваров. — Не знаю, где теперь промышляет мой приятель, но встречаться с ним я определенно не желаю.

Однако этому благому пожеланию не суждено было сбыться.

Купцы из Хоарезма прибыли к солеварам почти одновременно с кхитайцем и его спутниками. Конану это обстоятельство не понравилось с самого начала. Где соль — там и кровь, рассуждал киммериец и оказался убийственно недалек от истины.

На большие плоскодонные баржи грузили соль в бочках. Одну за другой переносили ее костлявые, жилистые грузчики, обнаженные по пояс, в широченных штанах. За их работой надзирало двое хоарезмийцев с бичами. Грузчики, надо отметить, не были рабами — они получали плату за свой труд.

Однако этот факт не мешал им оставаться ленивыми и вечно недовольными. Поэтому надсмотрщики, бранясь на чем свет стоит, подгоняли их бичами.

Конан поглядел на картину, представшую его взору, хмуро, без удовольствия. Ему вообще не правилось, когда кого-либо подгоняют бичом. Независимо от того, заслужил ли человек дурного обращения или просто сделался случайной жертвой чужой жестокости.

— Пойдем, — сказал своему другу Тьянь-По. — Эти люди сами нанялись на работу. Они в состоянии отвечать за себя.

— Я и не собирался за них вступаться, — фыркнул Конан. — Еще чего не хватало! Нет, мне не нравится другое... Они слишком долго копаются. Как будто ждут чего-то.

— Ну да? — усомнился кхитаец.

Третий участник похода, лорд Форез, подъехал ближе, чтобы слышать, о чем говорят его товарищи. Конан не стал делать тайны из своих наблюдений.

— У меня складывается такое впечатление, будто грузчики нарочно долго возятся с работой. Вероятно, ждут, пока подойдут их сообщники.

— Какие сообщники? — не понял Форез.

— Полагаю, грабители, — сообщил Конан, не моргнув глазом. — Я знаю по крайней мере три банды, что разбойничают в здешних краях. Полагаю, есть и еще. Но скорее всего мы увидим самого Аббаза.

— Мы ведь не станем выручать хоарезмийских купцов? — спросил лорд Форез. — Мне кажется, у нас для этого маловато сил.

— Хоарезмийские купцы — вполне взрослые и ответственные люди, — согласился Конан. — Они шли на риск сознательно. И если они так глупы или так скучны, что не обзавелись подходящей охраной, то это их беда. Не моя. И не наша, — добавил варвар

Он поднял голову и прищурил глаза-

— Ага! — воскликнул он. — А вот и наши друзья. Легки на помине.

Степь покрылась облаками, которые быстро приближались. Конан прикидывал, сколько врагов может насчитываться в банде, и в конце концов объявил:

— Человек пятьдесят, не меньше.

Он ударил лошадь пятками и поскакал к причалу. Грузчики как раз побросали бочки и потянулись за кинжалами, которые прятали на поясе. Размахивая мечом, варвар на коне влетел на причал и снес голову ближайшему из бандитов.

Надсмотрщики закричали. Один из них растерялся и бросился бежать, и бандит успел метнуть кинжал ему в спину, так что надсмотрщик споткнулся и рухнул лицом в воду. Однако второй широко размахнулся бичом и выбил нож из руки третьего из бандитов. Конан подоспел вовремя, чтобы отсечь нападающему руку.

— Беги! — крикнул он человеку с бичом. — Предупреди своих! Аббаз! Это Аббаз!

Дважды просить не пришлось. Человек бросил бич и помчался в поселок, где находились купцы.

Банда между тем приближалась. Из поселка навстречу разбойникам уже скакали охранники купеческого каравана. Конан быстро окинул их взглядом. Да, купцы из Хоарезма хорошо знали, куда отправляются и кто им может повстречаться. В охране находилось не менее сорока человек, и все — очень хорошо вооружены.

Конан без колебаний встал в их ряды.

Стычка началась сразу, едва только кони столкнулись грудью. Никто не остановился даже для того, чтобы выстрелить из лука. Размахивая мечами и дико визжа, гирканцы набросились на солдат. У бандитов имелось небольшое превосходство в численности, однако солдаты, несомненно, обладали куда более крепкими доспехами. Гирканские сабли скользили по тяжелым кирасам.

Впрочем, бандитам не впервые сталкиваться с подобным врагом. Они целили удары не по людям, а по лошадям. Оказавшись на земле, тяжеловооруженный всадник делался беспомощным. Ему предстояло высвободиться из стремян, выбраться из-под грунтового коня, упавшего набок и придавившего седока. Да и поднявшись на ноги кавалерист не чувствовал себя вполне уверенно. Доспех мешал ему, сковывал движения.

Конан, одетый, как и люди Аббаза, в куртку из твердой вываренной кожи, двигался куда быстрее, чем солдаты из купеческого каравана. Он носился среди врагов, как молния, и разил без устали налево и направо. Казалось, невозможно уйти от удара длинным прямым мечом, сверкающим в руке варвара, как молния.

Форез вместе с Тьянью-По приблизились к месту схватки.

— Хочешь участвовать? — спросил ххитаец своего спутника.

Лорд Форез покачал головой.

— Меня почти наверняка убьют, — признался он. — Я не слишком хороший боец. В отличие от твоего друга. Никогда не видел, чтобы человек так владел мечом! Он непобедим.

— Надеюсь на это, — вздохнул Тьянью-По. — Вероятно, не было другого способа проехать мимо озера Вилайет, если Конан ввязался в схватку... Вообще-то он весьма миролюбив.

Последнее заявление каллиграфа заставило бритунца посмотреть на него с изумлением и передернуть плечами. Лорд Форез сильно сомневался в том, чтобы могучий, самоуверенный и довольно раздражительный варвар мог быть «миролюбивым». Впрочем, всегда остается возможность того, что ххитаец вкладывает в это понятие какой-то совершенно особенный, ххитайский смысл, недоступный для сознания человека закатных стран.

Схватка заканчивалась. Аббаз, как всякий разбойник, не стремился пасть со славой и сберечь свою честь. Увидев, что перевес на стороне солдат, он попросту гикнул и пустил своего коня искачь, спасаясь бегством. Уцелевшие разбойники поскакали за ним. Несколько солдат

вздумали было преследовать Аббаза, но скоро вернулись обратно. Не имело смысла забираться далеко на территорию врага, где бандиты, несомненно, нападут снова.

Конан тяжело переводил дыхание. Не такой уж он непобедимый, как это могло показаться со стороны. Меч Аббаза задел его по ребрам, и рана ил боку обильно кровоточила. Она не была опасной, но сильно болела.

Несколько солдат были убиты, пятеро — ранены. Прочие устроились отдохнуть — попадали на землю, кто где стоял, и потянулись за флягами. Двою или трое бродили по полю битвы и рассматривали погибших разбойников. Большинство людей Аббаза были одеты в настоящие лохмотья, и только оружие у них было превосходным.

Солдаты собирали сабли и кинжалы, чтобы затем разделить их между всеми по справедливости.

Командир отряда наемников отправил четверых солдат копать могилы для их погибших товарищей, а сам приблизился к Конану.

— Нужна ли тебе помощь? — спросил он, глядя, как киммериец зажимает рану.

— Как ты думаешь? — фыркнул Конан.

— Подними руки, я гляну, сильно ли тебя порезали.

Конан послушно развел руки в стороны. Командир солдат, бывалый воин, отвел в сторону полу кожаной крутки, обнажил бок варвара, осторожно прикоснулся пальцами.

— Как ты и думал, — сказал он киммерийцу. — Порез сильный, но кость не задета.

— Ага, — сказал Конан. — Именно так я и думал. У тебя в отряде есть врач?

— У нас каждый сам себе врач, — сурово сообщил командир.

— Ладно, попрошу своих, — сквозь зубы процедил Конан.

— Я не поблагодарил тебя, — молвил командир отряда.

— Ну так поблагодари! — взорвался варвар. — Проклятье! Мне больно, я устал, хочу есть, я спас вашу шайку от Аббаза — во всяком случае так мне представляется, — а здесь полно чудесного оружия... Например, вон та пара сабель...

— Они твои, — без колебаний произнес командир.

Конан протянул руку, и командир наемников вложил ему в пальцы рукояти сабель. Затем хлопнул киммерийца по ладони и ушел.

— Ну как ты, Конан? — подбежал к другу Тьянь-По.

— Останови мне кровь. Потом я хочу есть. Потом — спать. Наутро едем, — отрывисто сказал Конан.

Ему подвели лошадь и помогли забраться в седло. Трое спутников отъехали от селения солеваров на десять полетов стрелы и там устроили лагерь.

Форез привез свежей воды в большом бурдюке и недавно выловленной в озере рыбы.

— Кто это был? — спросил лорд Форез у варвара, когда тот, с тугой повязкой на боку, умытый, с хрустом поглощал рыбу, перемалывая крепкими челюстями не только кости, но и плавники и хвосты.

— Просто Аббаз, — сказал Конан. — Плюгавая угроза здешних мест. Разбойник. Ничего интересного. Нам просто не повезло. Надо было сразу дать деру, едва мы заметили купцов. Это как с рыбной ловлей: где косяк всякой мелюзги, там и хищники...

— Не такой уж он и плюгавый, — возразил лорд Форез. — Кажется, он убил человек пять.

— И потерял пятнадцать! — возразил Конан — Так не сражаются. А теперь скажи мне, лорд Форез, ты действительно лорд?

— По происхождению — да, — признал Форез.

— А по образу жизни — босяк, не так ли? — Конан прищурился. — Ты ведь трус! Почему ты не вступил в битву?

— Ну... справились ведь без меня, — уклончиво ответил Форез.

— Справиться-то справились, но разве тебе не хотелось обнажить меч и пустить кому-нибудь кровь? — осведомился варвар, чуть шевеля верхней губой, точно волк, почувствовавший добычу.

— Нет, не хотелось, — честно признал Форез. — Я человек миролюбивый. Если там ядом кого-нибудь или хотя бы удавкой... Но бросаться в битву... Его передернуло.

— Боишься крови?

— Скажем так, не люблю, — Форез вздохнул. — Да, я испорченный лорд. Говорят, знатные люди постепенно вырождаются. Должно быть, я из тех, которые уже выродились. Но что поделать! Я ведь жив! Народился для чего-то на свет, хожу вот по миру... Хочу быть счастливым. Разве я виноват, что не люблю битвы?

— Наверное, не виноват, — проворчал Конан, — но только меня от этого тошнит.

Он улегся удобнее и сразу же захрапел, чуть приоткрыв рот.

— Мало ли от чего меня тошнит, — прошептал Форез.

— Ты не в том положении, дружок, чтобы оповещать остальных о том, что тебе нравится, а что — нет, — напомнил ему Тьянъ-По. — Пока здесь Конан, помалкивай. Конан-варвар — будущий король. Даже если сейчас это будущее и представляется слишком отдаленным, почти нереальным.

— Король? — поразился Форез.

Тьянъ-По кивнул несколько раз.

— Именно, дружочек. Король. Он верит в то, что рано или поздно завоюет себе трон. А ты? Каким ты видишь собственное счастье?

Форез криво пожал плечами.

— Свой дом. Сад... Женщины. Возможно, одна женщина. Супруга. Слуги. Вкусная еда. Никаких забот. Никаких дел. Никаких усилий. Мягкое ложе. Полный дом домашних животных. Слуги...

— Слуг ты уже называл, — сказал Тьянъ-По.

— Я хочу быть бездельником, — подытожил Форез. — Жить без забот и умереть стариком.

Тьянъ-По махнул рукой.

— Ты был прав, лорд Форез, аристократия вырождается! Даже мои стремления простираются гораздо выше, а ведь я — простой каллиграф.

— Да? — переспросил Форез. — И каковы же твои высочайшие стремления, каллиграф?

— Я хотел бы стать старшим каллиграфом при императорском дворе! — объявил Тьянъ-По победоносно. — Признайся, Форез, ты на такое не замахивался даже в самых дерзновенных своих мечтах!

Возвращение в Британию разлучило троих спутников. Тьянъ-По отправился прямиком в королевский дворец, и Конан, проследив за тем, чтобы его кхитайского друга приняли там как следует, нашел себе приличную гостиницу. Денег, полученных им от Тьянъ-По (точнее, от кхитайского императора, который снабдил своего посланца немалыми средствами), было довольно для того, чтобы обеспечить себе пару месяцев беззаботного существования в Пайрогии.

Форез, с которым кхитаец расплатился куда более скромно, буркнул пожелание, которое можно было бы счесть «добрым» и «дружеским» только при наличии очень сильно развитого воображения, и отправился к себе в лачугу. Лорд Форез понятия не имел о том, чего стоило ожидать от старика-нищего, которому он оставил свой дом.

Однако то, что предстало его взору, превосходило любые, даже самые смелые фантазии.

Снаружи лачуга выглядела такой же убогой, как и всегда. Но после долгого путешествия, во

время которого лорду Форезу довелось повидать самые разные города, «родовое гнездо» показалось ему особенно жалким и отвратительным.

Если старик кхитаец и был дома, то никаких признаков жизни он, во всяком случае, не подавал. Это показалось Форезу немного странным. Конечно, днем кхитаец мог бродить по улицам, но сейчас был уже вечер, и старику следовало отдыхать. В конце концов, разве не для того он попросил у Фореза разрешения пожить в его доме, покуда хозяин лачуги путешествует?

Скрипнув зубами, Форез наконец решился заглянуть внутрь.

Обычно дверь лачуги запиралась на хлипкий замок, а то и вовсе стояла нараспашку. Но на сей раз Форезу не удалось открыть ее сразу. Что-то держало ее изнутри.

Он дернул сильнее. Никакого результата.

— Проклятье! — взревел Форез, разбегаясь и стукаясь о дверь всем телом.

Послышался треск, как будто кто-то разрывал прочную ткань, и дверь наконец распахнулась. Форез ворвался в комнату. Однако, против всех ожиданий, он не пролетел через всю комнату и не стукнулся о противоположную стену.

Он как будто упал лицом в тюфяк, поставленный торчком. Мягкая шелковистая ткань коснулась его щеки. Пружинистая перина приняла на себя удар.

Форез пробормотал невнятное проклятие и отпрянул. Ему почему-то не слишком понравился этот «тюфяк». К тому же «ткань» была хоть и ладкой, но чуть влажной и к тому же слегка прилипала к коже.

Он пошарил в темноте руками, пытаясь найти границы «тюфяка». Бесполезно. Вся комната была перегорожена.

Наконец Форез выбрался наружу и сделал факел из палки и собственного рукава, в спешке оторванного от ветхой рубахи. То, что осветило пламя, было поразительным: вся комната оказалась заполнена паутиной.

Тонкие, поблескивающие в свете факела сероватые нити, тянулись во всех направлениях, сплетались, скрещивались, свивались в клубки и свисали прядями.

Их было так много и они были настолько прочны, что человек мог повиснуть в этой паутине без риска упасть (что несколькими минутами раньше и продемонстрировал лорд Форез).

— Проклятье! — пробормотал он. — Как такое могло случиться?

Он отступил на шаг, держа факел, как меч, наготове. Если попытаться сжечь паутину, то вместе с нею, несомненно, загорится и лачуга, и тогда Форезу негде будет ночевать. Кхитаец, конечно, дал ему денег...

Ах, этот кхитаец! Хитрая бестия. Форез попытался было заключить союз с Конаном против косоглазого. Отвел как-то раз киммерийца в сторону — это произошло в самом начале их совместного пути обратно в Британию, — и предложил:

— Кхитаец везет с собой деньги и подарки от своего императора. Что если двум белым людям объединиться и отобрать у этого малыша все сокровища? Уверен, в его мешках окажется добра довольно для нас обоих. Что скажешь, Конан?

Конан молчал, изучающе поглядывая на своего спутника.

А лорд Форез даже раскраснелся, представляя себе, какое богатство его ждет.

— Нет, ты подумай, Конан, подумай хорошенъко! — настаивал он. — Мы же завладеем сокрови...

Завершить фразу он не успел. Пудовый кулак варвара обрушился ему на голову и прервал поток красноречия.

Затем, дождавшись, чтобы бритунец перевел дыхание, проморгался, откашлялся и вообще обрел разумный вид, Конан проговорил:

— Нет.

И больше к этой теме не возвращался.

Зато удвоил бдительность. Впрочем, эта предосторожность оказалась излишней — бритунец был человеком понятливым и дважды одной и той же ошибки не совершил. Нет так нет. В отличие от многих и многих, лорд Форез умел понимать отказы.

Одно время лорд Форез опасался, что Конан расскажет об их разговоре Тьянь-По. Но нет. По крайней мере, отношение кхитайца к наемнику-lordу ничуть не изменилось. Тьянь-По оставался все тем же: сдержаным, веселым, с детской улыбкой, ослиным упрямством и выносливостью обозной шлюхи.

Правда, заплатил он своему второму охраннику гораздо меньше, чем Конану. Но и это имело свое объяснение: ведь Конан сделал для Тьянь-По гораздо больше, чем лорд Форез!

Эти денежки Форез хотел приберечь. Жаль будет потратить их на гостиницу в своем же родном городе! Ему необходима приличная одежда. Та, что хранится дома в сундуках, давно уже истрепалась. Не говоря о том, что она вышла из моды.

Нет, сжигать паутину вместе с домом он не станет. Воткнув факел в землю перед порогом, лорд Форез извлек из ножен меч. Размахнулся.

И изо всех сил рубанул по паутине.

Послыпался адский скрежет, как будто сталь коснулась не тонких ниток, а железных цепей. Несколько нитей оказались обрублены, и Форез, приободренный, нанес второй удар.

— Эй ты! — возмущенно заорал хозяин хижины, прилепившейся по соседству. — Какого дьявола ты тут делаешь? Все приличные люди давно уже спят!

Форез, не отвечая, продолжал рубить. Проснулись и в других лачугах и везде принялись волить:

— Дайте поспать!

— Перестань скрежетать!

— Что он там делает? Перережьте ему глотку!

— Замолчите, я спать хочу!

— Сами замолчите, я тоже спать хочу!

Следующий удар Фореза сопровождался не только скрежетом, но и диким криком. Кричало явно живое существо. Хуже того — из паутины хлынула кровь.

Форез в ужасе отскочил. В свете факела видно было, как черная густая кровь широкой струей вытекает из хижины и разливается вокруг.

— Что это? — пробормотал Форез, отходя в сторону. Он поднял голову и увидел перепуганные лица своих соседей — ничтожных нищих людышек, с которыми никогда не общался. — Боги мои, расскажите мне, люди, что же здесь произошло?

Большинство довольствовались тем, что шум прекратился, и скрылись в своих домах.

Остался лишь один человек неопределенного возраста, весь покрытый бородавками. Форез помнил его: это был один из прежних собутыльников его отца.

Встреч с этим человеком лорд Форез избегал с особой тщательностью. Меньше всего на свете ему хотелось слушать рассказы старого забулдыги о том, как проводил свои дни и ночи его ничтожный, заблудший отец-неудачник.

Но — делать нечего! Других собеседников на этот час у лорда Фореза не было.

Забулдыга икнул, попросил денег на выпивку и сообщил:

— Жил здесь старик-кхитаец. Мы все гадали, как такое вышло. То ли ты, друг милый, до того перепился, что всю рожу у тебя перекосило, то ли продал свой дом этому кхитайцу, а сам подался в чужие края... Выходит, я ошибался, а вот жена моя была права, ха-ха!

Форез не стал входить в эти подробности. Он снабдил своего собеседника еще одной монеткой, и вид блеснувшего в свете факела кругляшка взбодрил того настолько, что

повествование продолжилось:

— Словом, жил тут этот кхитаец. Днем ходил куда-то, а вечером дома сидел. Иногда вроде пел. Или выл. Словом, испускал различные звуки. А потом перестал выходить из дома. Ну, мы думали: может, подался в чужедальние края. А жена моя полагала, что он помер. Выходит, жена моя опять была права, хе-хе!

— Не женщина, а сокровище и кладезь премудрости, — сказал Форез. — Дальше.

— Будь она сокровищем, я бы давно ее продал, — сказал забулдыга. — Но насчет премудрости ты совершенно прав.

Он помолчал немного, но новой монетки не последовало.

— Это все? — спросил Форез, когда молчание затянулось.

— Ну... Вроде бы, да, — неуверенно ответил забулдыга. — Так помер стариk или как? Мы-то входить не решились. Мало ли что. Посадят потом в тюрьму и отрубят голову за убийство.

— Ясно, — сказал Форез. — Ну, спасибо.

Он повернулся к соседу спиной и шагнул в сторону окровавленного крыльца. Что делать? Войти в дом и посмотреть, чья это кровь? Ждать рассвета? Все-таки сжечь тут все и забыть о случившемся?

Неожиданно из темноты вынырнула огромная тень, и знакомый низкий голос проговорил:

— Что тут случилось, лорд Форез?

— Конан! — Форез вдруг понял, что невероятно рад появлению киммерийца. Во время путешествия именно Конан принимал все важнейшие решения, и теперь, оставшись наедине с собой и своей жизнью, Форез немного растерялся.

— Конан, Конан... — проворчал варвар. — Воплей тут — на весь квартал.

— Разве ты поселился по соседству? — удивился молодой лорд. — Я думал, тебе достаточно заплатили, чтобы ты нашел себе комнаты в центре Пайрогии.

— Можно найти вполне приличные комнаты на окраине. Плата меньше, а удовольствия больше, — заявил Конан. — К тому же тут у меня полно знакомых... Ты напугал мою приятельницу. И она, вместо того, чтобы провести со мной приятный вечерок, удрала к себе, замотала голову шарфом и наотрез отказывается выйти из-под кровати. Как ты думаешь, почему такое случилось? У тебя есть объяснение?

Вместо ответа лорд Форез выдернул из земли факел и посветил в сторону своей лачуги. Конан присвистнул.

— Кого ты здесь зарезал, мясник?

— Если бы я только знал...

Форез выглядел таким беспомощным, что Конан поневоле развеселился.

— Идем, — сказал киммериец, — выпьем у меня в гостинице, а с рассветом вернемся сюда и посмотрим вместе, что ты натворил.

Форез позволил себя увести. Он так устал и перепугался, что напился после первой же кружки и заснул прямо за столом. Конан не потрудился отнести его в комнаты. Сам он отправился к себе и превосходно выспался на тюфяке, брошенном прямо на пол. Тюфяк был набит свежей соломой, в нем не водилось клопов и блох, а в окно, выходящее прямо на восток, солнце заглядывало первым делом, едва только успев подняться над горизонтом. И, пощекотав тонкими золотыми лучами лицо спящего варвара, пробуждало его веселым: «Пора, Конан! Впереди еще один день, полный неожиданностей, приключений, доброй выпивки и веселых подруг!».

Конан проснулся с рассветом, спустился вниз и, обнаружив своего приятеля в той же позе, в какой оставил его накануне, беспощадно разбудил. Облитый холодной водой, Форез фыркал и стонал, он едва не плакал. Конан ухмыльнулся.

— Вот и утро, мой господин, пора отправляться к лачуге и...

В глазах Фореза появился ужас.

— Не бойся, малыш, я с тобой, — сказал Конан. — Разве тебе не интересно, что ты там наворотил? Мне — ужасно интересно. Я просто всю ночь чесался от любопытства.

Он схватил лорда за руку и потащил за собой, не позволив даже глотнуть воды.

Возле лачуги все оставалось по-прежнему. Дверь стояла нараспашку, темная лужа крови запеклась на пороге. Факел давно прогорел, и тряпка на нем источала отвратительный запах. Комната была сплошь затянута паутиной. Не все нити, как выяснилось, были одинаковы. Часть из них представляла собой сильно удлиненные и деформированные пальцы рук. В самом центре паутины, скрестив ноги и раскрыв залепленные серой липкой массой глаза, сидел старик кхитаец. Он был, несомненно, мертв. Его руки были раскинуты в стороны и покоились на нитях. Из пальцев исходили густые пучки, которые затем расходились по всей комнате. Такие же охапки нитей вылезали из его головы, из плеч, из коленей. Мертвый кхитаец словно пророс мириадами паутинок, став одновременно и жертвой их, и родителем.

— Что это? — пробормотал Форез.

Конан схватил его за плечо и рывком развернул к себе.

— Вот именно! — сказал он резко. — Что это, а? По-моему, настало время нам с тобой, лорд Форез, поговорить серьезно. Рассказывай, где ты встретил старика и что он тебе говорил!

— Клянусь, ничего особенного... — начал было Форез.

Конан встрихнул его, как лисица встрихивает пойманную мышь.

— Не ври!

— Просто нищий.

— Почему ты пустил его жить в свой дом?

— Он попросил...

— А если бы я тебя попросил?

— Мне нужно было, чтобы за лачугой приглядели, — извернулся Форез. — Старикан показался мне безобидным. Вот и все. Да, еще забавно было, что он кхитаец.

— И еще забавно, что он отправил тебя в Кхитай искать этого отвратительного Хань Ду, не так ли? — продолжил киммериец.

— Я хотел заработать торговлей наркотиками... — нашелся Форез.

Это объяснение показалось варвару вполне правдоподобным. Конан еще раз смерил бритунского аристократа подозрительным взглядом и отошел в сторону.

— Может быть, ты и не врешь, — проворчал киммериец. — Но в любом случае, выглядит все это очень некрасиво.

— Мне теперь негде жить, — пожаловался Форез.

— У тебя есть деньги, наймешь комнату, а потом подберешь себе работу по вкусу, — безжалостно сказал варвар. — Можешь, к примеру, устроиться охранником в богатый дом. В такой дом, где водятся хорошенъкие дочки. Этим ремеслом можно промышлять не хуже, чем любым другим.

— Ты предлагаешь мне заняться работорговлей? — спросил Форез.

— Обычным шантажом, — поправил киммериец. — Мне не нравится, когда женщины крадут и продают на сторону, каким-нибудь грубым типам, которые будут делать с ними, что захотят. Женщина должна отдаваться мужчине по добной воле, с охотой, ради удовольствия. Иначе во всем этом нет никакого смысла. Ну а потом всегда можно получить деньги от отца девушки или от ее брата.

— Или дубиной по голове, — сказал Форез, вспомнив свою неудачную историю с дочерью

графа Сабрана.

— Это уж как повезет, — согласился Конан и поглядел на лорда Фореза с насмешливым сочувствием: — Полагаю, у тебя нет ни таланта, ни везения. Бедняга!

«Напрасно он так ко мне относится! — думал Форез, глядя в широкую спину удаляющегося варвара. — Значит, таланта у меня нет? Насчет везения он, может быть, и прав... Хотя — тоже как посмотреть. Встретил же я этого кхитайского нищего...»

При воспоминании о том, во что превратилось «удачное знакомство» со стариком кхитайцем, Фореза передернуло. Тем не менее он упорно продолжал считать это удачей.

«И до Кхитая я добрался, и там с кем надо переговорил, а после вернулся домой. И вот я в Пайрогии. Берегись, дядюшка! Еще никому не было позволено презирать лорда Фореза безнаказанно! Если бы боги хотели, чтобы другие люди могли вытираять об меня ноги и не опасаться при том за свою судьбу, то упомянутые боги сотворили бы меня, скажем, садовником. Или продавцом угля. Или сборщиком навоза где-нибудь в Вендии. Но я родился с титулом, а это кое к чему обязывает!»

Он гордо вскинул голову.

«И пусть хитроумный варвар считает меня дураком. Так даже лучше. Пусть все воображают, будто я ни на что не способен. То-то будет удивления!»

Золотая маска, полученная от Хань Ду, тщательно завернутая в шелк и запакованная в прочный пергамент, перевязанная тесьмой, была почти плоской и удобно хранилась под курткой Фореза. Он пришил ее с изнаночной стороны, под мышкой. Время от времени Форез проверял, на месте ли маска: для этого ему было достаточно опустить руку и прижать ее плотнее к туловищу. Он сразу ощущал локтем прикосновение золотого носа, который ухитрялся покалывать даже сквозь обертку и плотную куртку.

Ни Конану, ни Тьянью-По лорд Форез и словом о своем приобретении не обмолвился. Он не слишком доверял компаньонам. И не то чтобы эти двое — особенно киммериец — представлялись Форезу «омерзительно честными» (как он выражался о людях, вроде дядюшки Эмбриако), просто цели у них были немного различны. Неизвестно, как отнесется тот же киммериец к желанию лорда Фореза при помощи колдовства убить богатого и неуместно принципиального дядю. Вроде бы, Конан несколько раз высказывался в том смысле, что всем колдунам неплохо бы поотрезать головы и сварить их в котле, а варево вылить в отхожее место.

Тьянью-По на сей счет ничего не говорил, но кто может наверняка знать мысли кхитайца! Боги нарочно создали их с такими узкими глазами — чтобы другие люди ничего не могли в этих глазах прочитать.

Итак, лорд Форез решил действовать один. Для начала он отыскал подходящего человека.

Подходящий человек обретался там же, в гостинице, и вид имел самый бывалый. Потрепанный и потасканный. Сразу видно, побродил это! воин по большим и малым дорогам, помахал мечом из довольно скверной стали во всех войнах и стычках, что затевались на просторах Хайбореи, попил вина во всех тавернах, не пропуская ни одной. Словом, это был немолодой и сильно пьющий наемник, который пытался отойти от дел.

Звали его Ангадди, и был он из Хоарезма.

Когда лорд Форез подсел к нему за столик, Ангадди мутно поглядел на него налитыми кровью глазами, раскрыл рот, чтобы попросить нежелательного соседа «уб-браться отсюда к Нергалу и подальше», но лорд Форез, хорошо зная подобную породу людей, чрезвычайно ловко подсунул ему стакан с выпивкой, и Ангадди отвлекся.

— Я желал бы побеседовать с тобой, уважаемый, по очень интересному вопросу, — сказал Форез. — Не возражаешь?

Поскольку Ангадди был занят выпивкой, то времени и возможности возражать у него не оставалось.

— Вот и хорошо, — невозмутимо продолжал Форез. — Я вижу, ты человек бывалый. Везде побывал, ко всему руку приложил.

— И к тебе приложу, если не уберешься, — прохрипел Ангадди между глотками.

Форез чуть отстранился и тронул кинжал, висящий на поясе. Вообще-то в таверне принято было снимать оружие, но кинжалы за таковое не считались.

— Сперва выслушай, а после убивай, — назидательно молвил Форез.

Ангадди отставил стакан и уставился на непрошеного собеседника налитыми кровью глазами.

— Где ты такую глупость слышал, а? Я тебе вот что скажу! Если ты сперва будешь лясы точить, а уж потом браться за оружие, то...

— Друг, — проникновенно произнес Форез, — война ведь закончилась. Мы с тобой в Пайрогии, в уютной таверне, пьем вино, за которое плачу, кстати, я, и ведем мирную беседу. Мы ведь на одной стороне.

— Да? — Ангадди был ужасно удивлен. — В первый раз такое слышу!

— Да, да, — Форез несколько раз кивнул, стараясь выглядеть как можно более убедительным. — На одной. Я предлагаю тебе заработать.

— Кого убить? — осведомился Ангадди у своего нового друга.

Форез осторожно накрыл его иссеченную шрамами ладонь своей холеной рукой.

— Подожди, не стоит торопиться. Убивать будем не мы. Хотя, обещаю тебе, кровь прольется!

— Это самое главное, — проворчал Ангадди, успокаиваясь.

— Нужно прийти в один дом и сказать, что ты — бывалый солдат, наемник, который по странствовал по свету, — продолжал Форез.

— Это сущая правда! — рявкнул Ангадди. — Неужели ты хочешь заплатить мне за то, что я скажу правду?

— Правда иногда обходится очень дорого... Нет, дальше нужно будет сказать что-то не вполне правдивое. Ты спросишь хозяина дома, господина Эмбриако; Господин сей обожает разные за морские диковинки. Об этом его пристрастии знают многие странники и бывальные люди, вроде тебя. Ему со всего света приносят безделушки, а он охотно расплачивается за них чистым золотом.

— Ага! — крякнул Ангадди. — Но при чем же здесь я?

— Говорю тебе, ты назовешься странником и принесешь ему красивую безделушку. А Эмбриако заплатит тебе за нее золотом.

Ангадди отставил стакан. Разложил на столе несколько кислых ягод, которыми заедал свою выпивку — уж такая у него была привычка, заедать выпивку кислыми ягодами.

— Это я. Это безделушка. Это золото, которое я получу от господина Эмбриако. А это — господин Эмбриако, который заплатит мне за безделушку. Но что-то я не вижу во всей этой хитрой комбинации тебя!

— Это очень простая комбинация, — заверил его Форез.

— Она была бы простой, если бы в ней нашлось место для тебя, — упорствовал Ангадди. — Я чую подвох. Какую выгоду ты видишь для себя? Отвечай! — взревел он.

Лорд Форез чуть отодвинулся.

— Я открою тебе сердце, как брату, — сказал он разъяренному наемнику. — Моя выгода в том, чтобы господин Эмбриако получил эту безделушку. Полагаю, она... э-э... не вполне то, чем выглядит.

— Подробнее, — потребовал Ангадди.

Лорд Форез наконец взорвался. Он понял: еще одна уступка наемнику, и достопочтенный Ангадди сядет ему на голову и вообразит, будто обладает какой-то властью над ним, лордом Форезом. Нет уж.

— Я сказал тебе достаточно, — отрезал лорд Форез. — Хочешь — берись за работу, хочешь — откажись. Дело твое. Я всегда могу найти другого бывалого человека, который явится к господину Эмбриако за наградой в несколько десятков золотых.

Последний аргумент сразил наемника.

— Так бы сразу и сказал, — пробурчал он, опуская голову и сразу делаясь чрезвычайно приятным в общении.

Конан навестил своего друга Тьянь-По в резиденции, которую бритунский король отвел почетному гостю из Кхитая.

Резиденция представляла собой крохотный садовый домик, размещенный в самом отдаленном из королевских садов.

Киммерийца долго не хотели туда пускать, рассказывали ему о неприкосновенности королевских садов и прочую чушь, пока наконец не появился привлеченный шумом и громкими криками Тьянь-По и с улыбкой не попросил стражников впустить этого гостя.

— Ибо он явился ко мне, дабы не прерывать своего обучения, — объявил маленький каллиграф ошеломленным стражникам.

Те проводили взглядами странную парочку: огромного киммерийца и миниатюрного кхитайца. Друзья неторопливо удалились в беседку, где Тьянь-По проводил большую часть своего времени, рисуя тушью схемы расположения различных фонтанчиков, искрометов, плавающих ваз с цветами и прочих элементов предстоящего праздника.

— У господина Эмбриако, по слухам, есть несколько настоящих золотых масок, — сказал Тьянь-По. — Завтра я хотел бы посмотреть их все. Золотые маски могут придать церемонии наиболее эффектный вид.

— А для чего они нужны? — полюбопытствовал Конан.

— Их надевают танцовщицы, когда исполняют Танец Золотых Масок, — объяснил Тьянь-По и удивился: — А для чего еще?

Конан пожал плечами.

— Никогда не знаешь, что скрывается за маской. Не слишком-то мне нравится вся эта затея. Тьянь-По внимательно посмотрел на своего друга.

— О, ты становишься философом, Конан. Действительно, та пустота, что скрывается за маской, всегда таит в себе неизведанное. Но ты ведь пришел говорить со мной не о церемониях, не так ли?

— Да. — Варвар кивнул и огляделся. — Разве ты не предложишь мне рисовой водки или этого твоего чая? Я надеялся, что ты пожелаешь угостить меня и побеседовать о чем-нибудь, вроде бабочек над лотосами.

Тьянь-По шевельнул бровями.

— В такое время суток я не пью водку и тебе тоже не советую. Что до чая, то в Пайрогии он просто ужасен. Пока он добирается из Кхитая до Британии, он успевает покрыться плесенью и потерять все свои чудесные ароматы. Так что я довольствуюсь водой.

— Лучше пей здешнее пиво, — посоветовал Конан. — Таков главный закон любого путешественника. Всегда пей то же самое, что и местные жители.

С этими словами киммериец извлек из-под куртки гигантский кувшин с пивом. Как там умещался сей сосуд, осталось загадкой.

— Таково уж мое дао, — сообщил Конан пораженному кхитайцу. — Давай сюда чайные чашки.

Будем разговаривать.

Испив первую чашу, маленький кхитаец разрумянился и проговорил:

— Чувствую действие твоего напитка. Слушай же. Я поведаю тебе об апельсиновых деревьях...

Он устроился поудобнее, обложившись со всех сторон микроскопическими шелковыми подушечками, которых в беседке имелось превеликое множество, и заговорил нараспев:

— Жили на свете три брата-колдуна...

— В Кхитае? — уточнил Конан.

Тьянъ-По глянул на своего собеседника неодобрительно:

— Разумеется, в Кхитае. Не перебивай. Лучше внимай моей истории и оцени, насколько она изящна. Итак, эти трое братьев занимались своими магическими делами...

— Поджарить бы всех троих! — опять не удержался Конан.

Тьянъ-По даже подскочил на подушках:

— Будешь ты слушать или нет?

— Я буду внимать, учитель, — с притворным смирением произнес Конан.

— Старший из братьев занялся работорговлей. Он покупал у бедняков их дочерей и превращал их в девиц для сладких утех. У этого старшего был особенный дар: взглянув на трехлетнюю девочку, он сразу мог сказать, вырастет ли она красивой. И он никогда не ошибался. Скоро о его чудесном умении знали уже все работорговцы округи, и к нему приводили маленький живой товар — для оценки. Таким образом, он богател и богател.

Второй из братьев любил странствия. Его интересовали чужие страны. Он обошел весь Кхитай, побывал и в Вендии и даже добирался, по слухам, до Турана. Он был также очень любопытен, поэтому подслушивал чужие разговоры. А для того, чтобы его не обнаружили и говорили в ого присутствии вполне свободно, он превращался в паука. В маленького такого, с виду вполне безобидного паучка, на которого никто и внимания не обращал. Забивался в уголок — и слушал, слушал.

Иногда ему делались известны какие-нибудь тайны, но чаще всего — незначительные обстоятельства чьей-либо жизни.

Для него не существовало разницы между важным и неважным. Он просто любил быть в курсе. И потом, вернув себе человеческий облик, он удивлял собеседника редкой проницательностью. Откуда было знать людям, что в обличье паука их теперешний сотрапезник вызнал всю их подноготную и теперь, можно сказать, держит их в кулаке!

Ему иногда удавалось таким образом провернуть забавные делишки. Точнее — делишки, которые сам он находил забавными. Потому что все остальные участники истории так вовсе не считали. Кто-то разорялся, кто-то заканчивал счеты с земной жизнью. Разваливались семьи, уходили из дома оскорбленные сыновья, убегали с первым попавшимся проходимцем дочери...

Колдуна все это чрезвычайно забавляло. Он называл это — «плести паутину».

Третий же брат был самым могущественным из всех. Он умел отделять свой дух от своего тела и воплощаться в разные материальные предметы. Например, в чаши, покрывала, драгоценности. Однажды, по слухам, он оставил свое тело и вошел в виде духа в роскошное ожерелье, которое кхитайский император подарил своей новой наложнице. И что же? Ожерелье ударило бедную девушку в тот же вечер, а казнен был за это злодеяние ни в чем не повинный евнук!

И вот однажды случилось троим братьям-колдунам бродить вместе в поисках приключений. Они оказались в небольшом городке в самом центре Кхитая. Городок этот называется У-Хань,

вряд ли ты там побывал, Конан. Он очень маленький. Впрочем, имеется там правитель, которого местные жители — из почтительности к его сану — именуют «государем».

Давным-давно, когда еще царили Лемурия и Атлантида, У-Хань вовсе не был маленьким городком. Это была столица могущественного царства. С тех пор многое изменилось, царство рассыпалось в прах, исчезли с лица земли даже гробницы его великих царей. Что же осталось? Осталась память.

В чем осталась память? Память осталась в слове. В имени.

Поэтому правителей маленькой У-Хани называют государями, а их дочерей — принцессами...

Тroe братьев-колдунов остановились возле глухой ограды, за которой начинался сад правителя.

«Кто в этом саду, братья?» — спросил старший из братьев.

Средний тотчас превратился в паучка и вскарабкался на вершину ограды.

«Я вижу трех прекраснейших девушек! — воскликнул он. — Погодите, я должен послушать их разговоры!»

И он быстро побежал вниз, чтобы очутиться в саду, поближе к девушкам. Младший из братьев щелкнул пальцами, и ограда сделалась прозрачной.

Взорам братьев предстали три принцессы, одетые в желтый шелк. Они были тройняшками, рожденными в один час от одной матери.

Их длинные волосы были забраны в высокую прическу, и только одна тонкая прядь ниспадала па шею. Эта шея... Вершина изящества! С тонкой ямочкой на затылке, с родинкой. Да-да, у всех трех имелись родинки на одном и том же месте, возле ямочки...

Тьянъ-По облизнулся.

— Даже такой философ, погруженный в созерцание дао, как я, не может удержаться от вздоха при мысли об этих девушках-принцессах, Конан! Что уж говорить о колдунах, погрязших в самых ужасных человеческих пороках! Они тотчас захотели завладеть этой красотой. Брат-работорговец сразу же мысленно произвел оценку юных принцесс как если бы уже продавал их на рабском рынке. Вышла огромная сумма. И мысль о невероятно высокой стоимости красавиц только добавила ему вожделения.

Девушки непрерывно щебетали, разговаривая между собой о тысяче изящнейших мелочей, перебирая в словах то ленты, то украшения, то золотое шитье, то серебряные нити, то лепестки цветов, то крохотные чашечки для драгоценных сортов чая... В общем, брат-паук буквально утонул во всех этих прелестных подробностях.

Третий же брат думал о великой власти, которую дает обладание подобной красотой.

Собравшись вместе, братья стали спорить: каким способом захватить принцесс. Сперва они мирно разговаривали, но вскоре алчность и похоть взяли верх, и они принялись ссориться. Они кричали друг на друга, топали ногами, даже дрались, а затем принялись колдовать.

Они накладывали и снимали чары, бросались друг в друга заклятьями... Чтобы быть кратким, скажу сразу о том, чем все закончилось: все три принцессы были превращены в апельсиновое дерево.

— Одно? — спросил Конан.

— Вот именно, — кивнул хитрец. — Ведь они родились в один час от единой матери. Когда один из братьев колдовал, другой толкнул его, и заклятье улетело в сад, а там девушки — на свою беду! — как раз стояли обнажившись...

— И что же стало с этим апельсиновым деревом? — спросил Конан.

— Ну, если быть честным... — Тьянъ-По отвел глаза.

— Да уж, — настойчиво произнес Конан, — ты уж будь со мной честным, Тьянъ-По. Я ведь

твой друг, в чем ты не раз имел случай убедиться.

— Надеюсь, — пробормотал Тьянь-По. — Потому что это дерево... Словом... Ладно, расскажу тебе о том, что случилось дальше. Правитель У-Ханя повсюду разыскивал своих дочерей. Он дошел даже до императора и пал ему в ноги. Император обещал помочь. В качестве дара правитель привез императору самое лучшее из всего, что имел.

Лучшим у правителя был сад. А в саду самым прекрасным было апельсиновое дерево. Егото и преподнес безутешный отец императору в обмен на обещание помочи.

Император, естественно, ничего о происхождении дерева не знал.

И когда он пожелал установить добрые отношения с королем Бритунии, то преподнес дерево ему; а король Бритунии торжественно вручил злополучное дерево господину Эмбриако, поскольку только тот располагает достаточно просторными оранжереями и достаточно умелыми садовниками, чтобы сохранить сей кхитайский дар для Бритунии.

— Стало быть, дерево находится в саду у господина Эмбриако? — уточнил Конан.

— Ты, мой друг, всегда улавливаешь суть, — проговорил Тьянь-По со вздохом. — Одна из моих задач — разыскать это деревце и расколдовать его. Предполагается, что я сделаю это во время проведения церемонии. Теперь ты знаешь все, Конан.

— А что же братья-колдуны? — спросил Конан. — Неужели они так и оставили всякую попытку захватить девушек? Или в виде дерева эти красавицы стали им не нужны?

— Вовсе нет, — сказал Тьянь-По. — Ты опять зришь в самую сердцевину истории, Конан. Воистину, занятия каллиграфией идут тебе на пользу... Дай мне еще хлебнуть из твоего кувшина. Пить то же, что употребляют и местные жители, — превосходный совет, киммериец...

— Оставим на время каллиграфию, — нетерпеливо сказал Конан, отбирая у Тьянь-По кувшин.

Он боялся, как бы маленький кхитаец не набрался прежде, чем завершит историю. А история начала казаться Конану все более и более любопытной.

— Братья. Да, братья-колдуны, — задумчиво заговорил Тьянь-По немного заплетающимся языком. — Одно дело — украсть девушек, и совсем другое — утащить целое дерево. Проблема стала казаться им неразрешимой. Кроме того, они рассорились окончательно и разошлись в разные стороны.

Один, по слухам, отправился в очередное странствие...

— Погоди, — перебил Конан, — ты говоришь, паук. Не тот ли это странный кхитаец, что забрался в дом лорда Фореза?

— Не исключено... — Глазки Тьянь-По блеснули. — А ведь ты прав! В таком случае, второй брат — содержатель очень плохого борделя...

— Кто же третий? — Конан приподнялся и беспокойно огляделся по сторонам, как будто предполагал заметить третьего колдуна прямо перед собой, в саду.

— Этого мы не знаем... Итак, Конан, наша задача — отыскать дерево в саду у господина Эмбриако и снять заклятие с трех заколдованных принцесс...

— Ужас, — вздохнул киммериец. — Опять полные руки работы. Как я этого не люблю! Тебе налить, дружище?

Закат застал могучего варвара и ученого кхитайца хором распевающими одну из тех песен, что не всякий наемник решится горланить, столько содержалось в ней скабрезностей и непристойных намеков.

Сад господина Эмбриако представлял собой воистину выдающуюся достопримечательность Пай-рогии. Многие любители необычного нарочно стремились свести знакомство с этим лордом и получить от него приглашение, поскольку это давало им бесценную возможность

ознакомиться хотя бы с частью коллекции диковин.

Одним из таких счастливчиков оказался господин Джунийе, купец из Хаурана. Этот коротконогий толстенький человечек с ухоженной, смазанной маслом черной бородой, обрамляющей круглое лицо, был представлен господину Эмбриако во время аукциона, на котором продавали изысканные вина.

Там были вина, заложенные в годы великих побед и плачевых поражений, вина, для которых давили виноград ножки выдающихся красавиц (бутылки были снабжены их портретами кисти известных мастеров), вина, в которые добавляли каплю крови казненного преступника (книжка с перечнем его злодеяний прилагалась к покупке) — и так далее. Все эти удивительные напитки были заключены в соответствующие сосуды, всегда прекрасной формы, поражающей воображение: в бутыли в виде женского тела с отрубленной головой и отсеченными руками, в виде дракона, кусающего себя за хвост, в виде рыбы, обвитой водорослями, в виде капли, в виде цветочного бутона...

Словом, глаза у знатоков изящного так и разбегались. Самыми упорными покупателями оказались Эмбриако и Джунийе.

Они по очереди вскакивали и называли все более и более высокие суммы, после чего бросали на соперника взгляды, полные безумной гордости или сумасшедшей ненависти. Страсти вскипали. Большинство из тех, кто пришел на аукцион, больше не дерзали предлагать цену, а вместо этого молча сидели на своих местах и созерцали битву титанов.

Наконец победа была поделена между противниками: часть вин досталась Джунийе, а две наиболее редкие бутыли перешли в собственность Эмбриако.

После того, как торг был завершен, оба знатока тотчас перестали воспринимать друг друга как заклятых врагов и заключили вечный мир. В гшак этого замечательного события Эмбриако пригласил господина Джунийе к себе в дом.

Сделавшись, таким образом, наилучшими друзьями, они приятно провели вечер, а на следующий день Джунийе вообще перебрался в дом к Эмбриако, чтобы они могли не разлучаться и вести непрерывные беседы за рассматриванием рисованных каталогов и живых экспонатов.

Иногда Эмбриако уходил по делам, и тогда і осподин Джунийе подолгу гулял в его волшебном саду. Особенно привлекали купца деревья, среди которых имелось немало плодовых.

«Замечательно! — размышлял он, созерцая лиственные и хвойные кроны и украдкой поглаживая стволы — голые, покрытые чешуйками или мхом, похожим на шерсть. — Они и выглядят удивительно, и в то же время приносят пользу. Практический народ эти бритунцы. Надо будет и мне разжиться семенами. Надеюсь, Эмбриако продаст мне пару плодов по сходной цене».

Особенно привлекало его апельсиновое деревце, недавно привезенное из Кхитая. К этому деревцу Эмбриако питал, по его собственному признанию, особенную нежность. Оно представляло собой как бы три сплетенных ствола. Очень молодое, оно совсем недавно начало плодоносить. Уже появилась завязь. Нынешним летом можно ожидать плодов.

Деревце росло в кадке, зарытой в землю, так что казалось, будто оно произросло из бритунской почвы. Что, разумеется, противоречило законам реальности, поскольку в Британии апельсины в естественном виде не встречаются.

Две изящных беседки обрамляли тонкий ствол, а крона как бы сливалась с кровлями этих хрупких строений. В одной из беседок имелись скамьи и столик для желающих посидеть и выпить, не прерывая созерцания. Б другой стояли стеклянные шкафы, сплошь установленные различными чудесными вещицами,

К этим-то шкафам и направился господин Джунийе. Никто не посмеет заподозрить в

достопочтенном купце обычного вора! Нет, он, разумеется, не собирался ничего красть. Этого не позволяли законы чести и гостеприимства. Однако посмотреть некоторые предметы поближе — в этом господин Джунийе отказать себе не мог.

Поэтому он осторожно вошел в беседку и отворил первую из стеклянных дверок.

Тонкое опахало из перьев неведомой птицы, расписанное яйцо, из которого через крохотную дырочку было удалено содержимое, так что осталась одна скорлупа, чучело странной ящерицы с шестью парами лап, больше похожих на присоски, — все это было удивительно, и Джунийе долго цокал языком и покачивал головой, рассматривая их и украдкой поглаживая толстым пальцем.

Затем его внимание привлек предмет поразительной красоты. Джунийе даже не понял, как это вышло, что он не заметил эту вещь сразу. В самом углу стеклянной полки стояла кхитайская золотая маска.

Она стояла на тонкой грани, не прикасаясь ни к стенкам шкафчика, ни к дверце. Поначалу Джунийе подумал, что эту маску поддерживают в таком положении тонкие нити, но нет, она попросту висела в воздухе.

— Но такого не может быть! — прошептал Джунийе. — Разве что она... волшебная.

От своего нового друга он никогда прежде не слыхал, чтобы тот имел пристрастие к чародейским вещицам. Напротив. Господин Эмбриако всегда высказывался в том смысле, что наилучшим волшеством он считает искусность человеческих рук. «Истинная магия — в ремесле, в фантазии художника, в его умении чувствовать материал и работать с ним», — разглагольствовал Эмбриако не далее как вчера.

Неужели этот господин все-таки хранит у себя в коллекции чародейские артефакты? Джунийе задумчиво погладил масляную бороду. Но маска уже полностью завладела его мыслями. Он не мог оторвать от нее глаз.

— Что скрывается за этой маской? — шептал купец из Хаурана. — Почему она так притягательна для слабого человеческого сердца?

Он осторожно коснулся металла. Золото оказалось теплым на ощупь и очень гладким, как шелковистая кожа любимой наложницы Джунийе. Он зажмурился, представляя себе эту юную красавицу, готовую принять его в свои объятия.

— Боги! Что за дивная вещь! — пролепетал Джунийе.

Он даже не понял, каким образом маска оказалась у него в руках. Она, точно податливая женщина, прильнула к его ладоням, и вот уже купец рассматривает ее, близко поднеся к глазам.

Слепые глаза маски, красивого разреза, чуть раскосо посаженные, засматривали в самые глубины души Джунийе. Он застонал сквозь зубы. Из уголка его рта вытекла тонкая струйка слюны и сгинула в душистых курчавых зарослях умащенной бороды.

— Что там, за маской? — снова шепнул он. А затем, держа маску обеими руками, медленно поднес к своему лицу и приложил.

— Где господин Джунийе? — снова и снова спрашивал Эмбриако у слуг, однако те ничего не могли ему рассказать.

Вроде бы, Джунийе видели, когда он гулял по саду. Да, точно. Гулял по саду. Это подтвердила и горничная, которая занималась уборкой и на короткое время подошла к окну. Господин Эмбриако не стал выяснять, как долго сидела на подоконнике нерадивая горничная. Он выслушал ее рассказ и нахмурился.

Садовник тоже не мог поведать ничего толкового. Господин Джунийе изумлялся апельсиновому дереву, привезенному из Кхитая. Этому господину настолько понравилось деревце, что он спрашивал, нельзя ли будет потом попросить у хозяина несколько семечек. Он,

Джунийе, неплохо заплатил бы за них. Его очень интересовала возможность вырастить подобное деревце у себя, в Хауране. Садовник на это отвечал, что следует спросить у господина.

— Он пошел в беседку, хотел полюбоваться диковинами, — добавил слуга. — Я не думаю, чтобы такой важный господин что-нибудь спер.

Это он добавил, сам от себя не ожидая подобной дерзости, и втянул голову в плечи. Но ожидаемой оплеухи не последовало. Господин Эмбриако был слишком обеспокоен происшествием. Он даже сказал:

— Да, я тоже подумывал о такой возможности... Многие знатные господа не могут устоять перед соблазном и делают попытки украсть у меня тот или иной поразительный предмет. Но вынести вещь из сада им не удается. Здесь ведь наложены чары, если ты не знал...

Чары были слабенькие. Ими пользовались некоторые богачи, которые слишком дорожили своими артефактами. Стоили эти заклинания очень дорого, поэтому прибегали к ним редко. Только в тех случаях, когда тот или иной предмет был дороже хозяину, чем деньги.

При попытке унести заколдованную вещь из сада поднимался страшный шум, на который сбегались слуги. Предмет изымали у провинившегося, мягко журили его и... как ни в чем не бывало принимали в гостях снова. Господин Эмбриако признавал за человеческой природой право на слабость и охотно прощал ее.

«Друг мой, — говорил он, как правило, багровому от смущения неудачнику-вору из высшего света, — что поделаешь! Была бы моя воля, я и сам украл бы у вас или у господина такого-то пару вещичек... Забудем же об этом досадном происшествии. Прошу вас, будьте моим гостем, как всегда!»

Но факт оставался фактом: господин Джунийе пропал из сада господина Эмбриако. Пропал бесследно.

А все вещи из коллекции оставались на местах.

Некоторое время Эмбриако еще ломал себе голову над этим непонятным происшествием, но затем его отвлекли новые заботы: слуги доложили о прибытии кхитайского мастера церемоний Тьянь-По.

Маленький кхитаец вырядился очень торжественно, в белый шелковый халат, расписанный цветами и птицами. Господин Эмбриако встретил его по возможности вежливо, усадил за столик в беседке, откуда открывался вид на деревце и вторую беседку, где хранилась золотая маска. Принесли чай. Тьянь-По, человек вежливый, пил бритунский чай не морщась и даже несколько раз похвалил напиток. Эмбриако был на седьмом кебе. Он считал себя истинным знатоком восточных обычаяев.

— Я должен осмотреть сад вашей светлости, — пояснил Тьянь-По. — Мне нужно точно представлять себе, где и как будет проходить наша церемония. Прошу вас, покажите мне ваши достопримечательности. Какие вещи должен увидеть король?

— В каком смысле? — уточнил Эмбриако.

Тьянь-По улыбнулся.

— Я плохо выразил свою мысль! Прошу тысячу раз извинить меня.

— И одного раза будет довольно, но поясните, пожалуйста, что вы имели в виду.

— У вас есть наиболее драгоценные предметы, которые составляют гордость — вашу и Бритунию, не так ли? — проговорил Тьянь-По. — Вовремя визита короля Аквилонии эти предметы должны изящно и неназойливо попадаться ему на глаза. Не так ли? Я должен знать, какие экспонаты вашей коллекции избраны для этого. Мы расставим их по пути следования процессии, так что королей будет сопровождать непрерывное удивление.

— Вот оно что! — протянул Эмбриако. — Надо же! Я прочитал много книг, посвященных далеким странам, не говоря уж о том, что провел немало часов в разговорах с

путешественниками, и ни один из них не обмолвился и словом...

— Ничего удивительного, — перебил Тьянь-По, вежливо улыбаясь. — Ведь все путешественники — известные лгуны. Большинство из них не бывает дальше портового борделя и местного рынка, где и закупают все те диковины, которые потом привозят в страны заката и продают знатокам за большие деньги. Процессия, которую я хочу организовать, имеет очень древнее происхождение. Такие шествия раньше возглавляли владыки древнего, давно погибшего царства У-Хань. Они называются Шествиями Непрестанного Удивления.

— Что ж, — сказал Эмбриако, — в таком случае, я должен показать вам мою коллекцию. Полностью доверяюсь вашему вкусу. Боюсь, я — из тех невежественных бритунцев, которые покупают все подряд и могут счесть за драгоценность какую-нибудь глупую, банальную вещь. Вроде золотой маски.

Он произнес это, руководствуясь тщеславием, поскольку намеревался не словами, но поступками доказать кхитайцу, что тот ошибается, считая в людей из закатных стран полными невеждами и экзотическом искусстве.

Тьянь-По насторожился, но постарался скрыть свои чувства.

— У вас есть золотые маски? — спросил он,

— Разумеется! Разве наш праздник не будет называться Праздником Золотых Масок? — напомнил Эмбриако. — Неужели бритунский король затеял бы подобное торжество, не имея золотых масок!

— И они у вас настоящие? — продолжал настаивать Тьянь-По.

— Не знаю, не знаю, — Эмбриако пожал плечами с притворным смирением. — Я покупал их у людей, побывавших в Китае, и в Венции. Маски — самые различные. Моя последняя покупка, например, довольно забавна. Принес один забулдыга, наемник или что-то в этом роде. Потребовал два десятка золотых монет, но в конце концов мои охранники его избили, и мы сошлись на семи.

— О! — вежливо округлил рот Тьянь-По. — И я могу увидеть эту маску тоже?

— Все, что захотите! — Эмбриако сделал широкий жест.

Тьянь-По поднялся на ноги и проследовал за гостеприимным хозяином в беседку, где на него уставилась золотая маска. Она стояла в шкафу точно так же, как и вчера, то есть на самом ребре, не прикасаясь к стенкам.

— Изумительно! — воскликнул кхитаец, приближая лицо к маске. — Я должен рассмотреть ее поближе.

Он наклонился над стеклом и начал водить над маской глазами, избегая, однако, прикасаться к ней. Неожиданно в прорезях маски мелькнули чьи-то глаза. Тьянь-По замер. Он подумал было, что ему почудилось, но нет — кто-то потаенный взирал на него с той стороны маски.

«Кто там, за маской? — подумал Тьянь-По. — Действительно! Вот загадка, разрешить которую под силу только мудрому в союзе с сильным».

Странное ощущение длилось всего лишь миг, а затем пропало. Но Тьянь-По был уверен: маска заколдована, и за нею прячется некто. Некто очень недобрый, любопытный и алчный.

— Скажите, господин Эмбриако, — обратился Тьянь-По к хозяину дома, — вы держите у себя в коллекции магические предметы?

— Нет, — отрезал хозяин. — Это исключено. Все вещи, которые собраны у меня, имеют только естественное происхождение. В этом смысл коллекции. Торжество мастерства человеческих рук.

— Понятно, — пробормотал Тьянь-По. — Что ж, продолжим наш осмотр...

— Говорю тебе, неладно что-то у него с этой маской! — шептал Тьянь-По Конану, когда друзья встретились в таверне.

Они сидели внизу, склонившись над кувшином вина, и разговаривали — то о деле, то о разных пустяках. Фореза нигде не было видно — пропадал в городе, искал, где заработать или украсть. Конан не сомневался в том, что обнищавший лорд закончит свои дни наемным убийцей. Самая подходящая работа для такого бездельника и негодяя, утверждал киммериец. Впрочем, Тьянь-По был другого мнения. «Даже безнадежный человек может исправиться и в следующем воплощении оказаться превосходной лошадью или честной жабой, — заверял хитайца своего друга. — Все зависит от правильного взгляда на вещи».

Конан даже спорить не пытался. Он знал, что и некоторых случаях Тьянь-По лучше не возражать.

О своем походе в сад Эмбриако Тьянь-По рассказывал киммерийцу с множеством утомительных подробностей. Поведал и о том, что видел то самое деревце. Для того, чтобы составить заклинание снятия заклинания хитайцу требовалось время.

— Я ведь не колдун, ты понимаешь, — говорил он Конану. — Я разбираюсь в каллиграфии. Каллиграфия учит человека сопрягать смыслы.

— Что делать? — не понял Конан.

— Объясняю... Положим есть некая вещь. Кусок мяса. — Тьянь-По взял из своей плошки кусок мяса на кости и потряс им в воздухе, после чего опустил обратно в плошку. — Есть слово, обозначающее эту вещь. И есть рисунок, обозначающий это слово. Связь между рисунком и вещью — таинственна и сродни заклинанию...

— Ясно, — проворчал Конан, которому ничего не было ясно. Он вытащил мясо из плошки своего друга и принял грызть. — Все равно ты не ешь мяса, — пояснил киммериец. — Зачем пропадать вкусной еде! Ты можешь довольствоваться парочкой иероглифов.

— Ты быстро учишься, киммериец, — сказал Тьянь-По, улыбаясь. — Схватываешь все на лету.

— Таково мое дао, — сказал Конан, с хрустом разгрызая кость. — Давайте вернемся к золотой маске.

— Из-за маски кто-то смотрел на меня. Кто-то очень злобный. И бесплотный. Но он желает воплотиться, я уверен, — сказал хитайец.

— Любая бесплотная сволочь хочет воплотиться, — сказал Конан, гора красивой молодой плоти. Он вытянул под столом ноги, съело рыгнул и погладил себя по животу. — Лично я ни за что не хотел бы стать бесплотным духом и сидеть, спрятавшись за маской...

— Точно! — прошептал Тьянь-По.

— Что? — удивился Конан. — Ты о чем?

— О бесплотном духе... Если апельсиновое дерево находится в саду Эмбриако, — а оно там, и я его видел! — то и колдуны-братья должны находиться неподалеку. Одного ты видел, он превратился в паука и умер. А другой, развоплощенный дух... Тот, младший, самый сильный из колдунов...

— Думаешь, это он прячется за маской? — Конан сразу подобрался. Блаженная расслабленность покинула варвара, он был готов действовать в любое мгновение.

— А кто же еще? — шепнул Тьянь-По. Он огляделся по сторонам и опасливо вжал голову к плечи, как будто боялся, что дух окажется где-нибудь поблизости.

— Ну, мало ли на свете бродячих духов...

— Давай предполагать, что это он.

— Давай, — согласился Конан, опять расслабляясь и принимаясь ковырять в зубах огромным ножом.

— Положим, дух живет в маске...

— Положим.

— И сторожит апельсиновое деревце, в ожидании, когда он сможет воплотиться и расколдовать принцесс.

— Положим.

— Ведь если ему это удастся, то он завладеет сразу тремя сестрами...

— Ну.

— Слушая тебя, Конан, можно подумать, что тебе неинтересно! — рассердился наконец кхитаец.

Конан, который только этого и добивался своими нарочито лаконичными и равнодушными ответами, хмыкнул.

— Да ладна тебе злиться, Тьянь-По. Конечно, мне интересно. Сразу три принцессы! С ума сойти.

— Продолжаю, — успокоился кхитаец. У него был легкий характер, и это как ничто другое помогало ему уживаться с киммерийцем. — Развоплощенный дух прячется в маске.

— Ты это уже говорил.

— Сторожит дерево.

— И это ты уже...

— Если ты будешь меня отвлекать, я скажу то и в третий раз! А теперь — задача для истинного ученика каллиграфа. Что нужно духу для того, чтобы воплотиться?

Конан напрягся, выпучил глаза, надул на шее жилы, побагровел и выговорил натужным голосом:

— Чтобы... воплотиться... духу требуется... живая человеческая кровь, господин учитель!

— Молодец! — улыбнулся Тьянь-По.

Шумно выдохнув, Конан улыбнулся в ответ.

— Я понял, к чему ты клонишь, Тьянь-По. Сегодня же попробую узнать, не пропадал ли кто-нибудь в Пайрогии. Бесследно. И, желательно, в саду Золотых Масок.

Еще один человек в Пайрогии хотел бы это знать. Звали этого человека лорд Форез. И интересовало его то же, что и Конана с другом: не было ли таинственных исчезновений в доме господина Эмбриако? Точнее: не пропал ли загадочным образом сам господин Эмбриако?

Поэтому как только стемнело, лорд Форе пробрался к саду и очутился возле старого лаза, через который он вылезал на волю еще в давние времена, когда был подростком. Проникнуть в сад для него не составило никакого труда. Он пробежал по знакомым дорожкам, миновал несколько беседок и пышно разросшихся кустов подстриженных в форме шаров, конусов и кубики остановился возле входа на кухню.

Неожиданно лорд Форез ощутил печаль. Он понял, как соскучился по этому дому, по обширному саду, по всем этим таинственным тенистым закоулкам, даже по дядиной коллекции, которой здесь было подчинено все, включая распорядок дня.

— Не раскисать! — приказал он себе. — Еще не хватало, чтобы я тут распустил сопли! Я пришел убить. Я — наемник. Я — убийца. Я проделал долгий путь... И теперь я желаю завладеть моим наследством.

Он обошел дом кругом. В комнатах господина Эмбриака горел свет. Затем в окне мелькнул силуэт самого хозяина. Форез прикусил губу, чтобы не вскрикнуть от разочарования: итак, дядя жив-здоров!

Он скользнул в кусты и спрятался в глубокой тени. По дорожке сада, смеясь, прошла горничная. Сын садовника, негодный мальчишка, обнимал ее за талию, а она заливисто хохотала.

При виде забав лакейской любви Форез почувствовал приступ дурноты. Его всегда раздражали слуги. Вечно крутятся под ногами, мешают, во все лезут, все запрещают и шпионят для дяди. Обо всем ему докладывают.

А сами... И как все это вульгарно, как неизысканно! Бот дочка графа Сабрана... Но о ней лучше не думать. Вычурная, холодная, глупая. И все же — сколько аристократизма! С каким достоинством она разделась, легла и закрыла глаза, предоставив Форезу свое прохладное белое тело!

Да. Лучше не вспоминать.

Дело превыше всего.

Форез дождался, чтобы шаги горничной и ее ухажера стихли, и прокрался в беседку, где хранилась золотая маска. Маска была на месте.

Несколько минут Форез разглядывал ее, и разочарование захлестывало его. Затем он резко распахнул дверцы шкафчика и схватил маску. Глядя в ее пустые глаза, он закричал:

— Кто ты? Почему ты ничего не делаешь?

Естественно, он не ожидал ответа. Но спустя миг в его голове прозвучал хриплый голос:

— Ты ошибаешься, смертный.

Форез едва не выронил маску.

— О чем ты говоришь? Кто ты?

— Я должен воплотиться...

— Мне все равно, что ты там должен! — рассердился Форез. На самом деле он не верил в то, что разговаривает с маской, и полагал, что происходящее — лишь плод его больного воображения.

— Я должен воплотиться, — повторил голос

Затем Форез почувствовал, как чьи-то глаза смотрят на него с той стороны маски. Он пересвернулся. Пусто. Естественно, пусто. Что там может быть!

Но взгляд не исчезал. Голос молчал, однако чужое присутствие становилось все более ощутимым.

Неожиданно голос прошептал, мягко и вкрадчиво:

— Неужели ты не хочешь увидеть мир моими глазами? Надень маску! Взгляни на этот сад сквозь прорези... Стань МНОЮ!

Форез напряг мышцы, отчаянно отодвигая си лица золотую маску. Силы оказались слишком неравны. Локти Фореза сгибались сами собой, словно они вдруг размягчились и отказывались подчиняться. Он стиснул зубы, так что они заскрипели и начали крошиться. Маска неуклонно приближалась. С громким стоном Форез сдался, и маска упала на его лицо. Она приросла к коже. И... ничего не произошло. Сперва Форез ощущал легкое покалывание, оно было даже приятным — вроде освежающего дуновения морского петерка. Затем пришло состояние полного покоя. Форез глянул на свои руки и не увидел их.

— Где я? — спросил он мысленно.

Голос в его голове засмеялся.

— Ты теперь — это я. И еще один человек — тоже я. Понял? Скоро я сумею поглотить достаточно людей, чтобы воплотиться, и тогда...

— Идиот! — закричал Форез. — Ты развоплотил меня? Я теперь дух?

— Дух? Ты? — невидимого собеседника, казалось, страшно забавляло отчаяние молодого лорда. — Великие боги, какой дух может быть у такого ничтожества, как ты! Нет, конечно. Ты теперь — никто. А вот я скоро обрету плоть, и тогда...

— Это я привез тебя в Британию. Ты должен был уничтожить совершенно другого человека, — заклинал Форез. — Прошу тебя, отпусти меня. Я покажу тебе свою истинную

жертву. Ту самую, которая была предназначена для тебя изначально. Ты не должен был... забирать меня!

Форез все еще надеялся найти с духом маски общий язык и потому подобрал достаточно обтекаемое слово, но у духа имелось на сей счет совершенно иное мнение.

— Ты так до сих пор ничего и не понял, червяк? — прогремел голос. — Мне все равно, кого пожирать! Все вы для меня — просто корм! Ты, тот человек, или этот алчный купчишка из Хаурана, кто-нибудь еще...

— Отпусти меня... — жалобно повторил Форез.

Голос замолчал. Дух, заключенный в маске, явно не желал продолжения разговора.

Исчезновение Фореза не слишком обеспокоило Конана. А вот судьбой Джунийе, слуги которого несколько раз спрашивали о своем господине у слуг господина Эмбриако, он решил заняться всерьез.

— Говорю тебе, дурья башка, — твердил привратник господина Эмбриако прислужнику господина Джунийе, — они с моим господином уже несколько дней только тем и заняты, что бродят по саду, кушают-выпивают, и говорят, говорят..

— Ты его видел? — напирал прислужник. Это был рослый тощий мужчина с растрепанной черной бородой, с нечистой тряпкой на голове, больше похожий на разбойника, чем на лакея. Джунийе ценил его за звериную преданность.

— Видел! — сказал привратник. — Вчера. Кажется.

— Господин всегда заходит домой после полудня, чтобы переменить одежду, — сокрушался прислужник. — Уверяю тебя, с ним что-то случилось. Он не мог изменить своей привычке.

Конан, слушавший этот разговор, подошел поближе. Оба слуги тотчас замолчали и уставились па верзилу варвара.

— Что тебе? — спросил привратник. — Шел бы ты своей дорогой!

— Ну вот еще! — возразил Конан. — Эта улица, на которой я стою, не принадлежит твоему господину, так что не распоряжайся там, где не смеешь.

— Что значит «не смеешь»? — возмутился привратник. — Какой-то варвар будет мне указывать, что я смею, а чего не смею!

Конан решил не обращать на него внимания и заговорил с прислужником господина Джунийе:

— Говоришь, не вернулся вчера домой?

— Кто? — Прислужник выпучил черные глаза.

— Ну, этот твой хозяин, — пояснил Конан.

— Не твое дело... — Он пристальное посмотрел на Конана и внезапно переменил свое мнение верзиле киммерийце. — Да. Господин Джунийе, торговец из Хаурана, великий знаток редкостей и ценностей, щедрый и милостивый...

— Все понятно, — Конан безжалостно оборвал поток красноречия. — Он ушел сюда и не вернулся?

— Именно.

— А сам господин Эмбриако — он дома?

— Во всяком случае, господин Эмбриако не покидал своих владений, — заявил привратник с горделивым видом.

— Пожалуй, я с ним побеседую, — объявил Конан.

— Стой! — всполошился привратник. — Ты никуда не пойдешь.

— В каком смысле? — варвар прищурился. Его синие глаза полыхнули веселым огнем. — Почему это я никуда не пойду?

— Потому что я запрещаю...

Привратник не закончил фразы. Конан взял его за локти и аккуратно переставил на другое место, освобождая проход. Прислужник Джунийе разинул рот от удивления — привратник был мужчиной довольно крупным.

Киммериец вошел в сад. Слуги, переглянувшись, благоразумно решили предоставить ему полную свободу.

Конан двинулся между стволами деревьев, скользя беззвучно и все время пропадая в тени, как будто был охотником и выслеживал пугливую дичь.

В саду было тихо. Ни людей, ни птиц. Только листья шелестели в вышине. Обманчивое спокойствие сада настораживало киммерийца еще больше. Обостренным варварским чутьем, он улавливал присутствие магии, и это беспокоили его. Конан осторожно вытащил меч из ножен. Прикосновение доброй стали успокаивало.

Он обошел уже почти весь сад. «Может быть стоит посидеть здесь и понаблюдать? — подумал он. — Ничего подозрительного на первый взгляд не попадается. Но это-то и подозрительно! Уверен, что Джунийе пропал в этом саду не проси так. Была у бедняги очень важная причина, что бы пропасть. И для господина Эмбриако будет лучше, если он не имеет к этой причине никакого отношения».

Конан уселся под деревом, откуда хорошо видны были две беседки. «Если хозяин сада устроил здесь эти беседки, — рассудил сам с собой варвар, — стало быть, рано или поздно он явится сюда отдыхать, пить вино и беседовать...»

Дерево давало приятную тень. Сквозь узорные листья на лицо варвара попадали теплые лучики света. Пахло чем-то пряным. Подняв голову, Конан увидел, что на ветках уже созрели плоды. Он сорвал один из них, до какого дотянулся. Повертел в руках. Круглый, желтый, с резким ароматом.

Конан задумчиво очистил его и начал жевать. Сочная мякоть плода была сладкой и великолепно утоляла жажду. Конан похлопал дерево по стволу:

— Молодец, — похвалил киммериец, — отличная работа.

И снова начал следить.

В доме ожили и загадели слуги. Конан напрягся, вытягивая шею: кажется, там что-то случилось! Но спустя несколько минут даже плонул от жгучей досады. Случилось, как же! Горничную застали в объятиях какого-то лоботряса. Прямо в господских комнатах. Ах, какой ужас! Тьфу!

Шум скандала постепенно утих. Рыдания горчичной удалились. Снова воцарилась сонная тишина.

Легкий ветерок раздвинул листья, и перед глазами Конана появился второй плод, такой же золотистый и сочный, как и первый. Конан потянулся было и за ним, но тут же замер: в беседку направлялся господин Эмбриако.

— Господин Джунийе, вы здесь? — звал он своего гостя.

Вот как! Стало быть, Эмбриако ничего не знает о том, что Джунийе пропал. Не перед соглядатаем же разыгрывает он комедию поисков гостя! Конан был уверен в том, что господину Эмбриако ничего не известно о присутствии в саду некоего киммерийца.

— Господин Джунийе! — еще раз повторил!

Эмбриако и вошел в беседку.

Конан подобрался поближе, чтобы лучше видеть.

Эмбриако остановился посреди беседки и, внезапно забыв о цели своих поисков, уставился на стеклянные шкафы. На губах хозяина поместья появилась довольная улыбка. Он разглядывал свою коллекцию. Ну конечно! Все коллекционеры — сумасшедший народ. Конан слыхал об этом

и теперь получил отменную возможность убедиться во всем собственными глазами.

Эмбриако открыл дверцу шкафа и вытащил оттуда золотую маску. Уставился на нее влюблено. Боги, какой болван! Неожиданно выражение лица Эмбриако сделалось другим. Самодовольство сменилось недоумением, а затем приступил страх.

Несколько раз Эмбриако вздрогнул, как будто боролся с кем-то невидимым, а затем, словно против собственной воли, начал приближать золотую маску к своему лицу с явным намерением надеть.

Конан выскочил и метнулся к хозяину дома. Нельзя было терять ни секунды. Киммериец не сомневался теперь в зловещем предназначении маски. Как дикий зверь, набросился он на Эмбриако и, ломая его сопротивление, вырвал маску из его рук. Маска откатилась в сторону и замерла на траве.

Эмбриако тяжело дышал.

Его била крупная дрожь, он весь был покрыт испариной, рот его безвольно распахнулся, из глаз градом текли слезы.

— Кто вы? — спросил он киммерийца. Слышно было, как стучат зубы Эмбриако.

— Кто я — неважно, а вот кто он? — Конан показал на маску.

— Не трогайте ее! — в ужасе вскрикнул Эмбриако. — Там... там такой страх! Там — смерть! Я видел ее глаза, и она хотела забрать меня!

Конан положил руки на плечи перепуганного лорда.

— Сядьте. Я принесу вам плод. Тут у вас поблизости растет изумительное дерево, очень вкусные плоды. Сочные. Лучше винограда.

Эмбриако послушно уселся на траву, вытянув ноги и прислонившись спиной к резной деревянной колонне беседки.

Одним прыжком Конан подскочил к деревцу, сорвал второй плод и поднес его своему подопечному. Эмбриако жадно проглотил сладкие дольки и ощутил прилив сил.

— Мне гораздо лучше, — проговорил он. — Спасибо. Расскажите мне, кто вы.

— Друг кхитайского каллиграфа. Его спутник... э... телохранитель, — сказал киммериец.

Эмбриако успокоенно кивнул. События начали приобретать для него понятные очертания.

— Что вы увидели в маске? — настойчиво спросил Конан. — Ну, помимо своей смерти и прочих глупостей.

— Мне показалось... Нет, я не могу этого сказать! Вы сочтете меня сумасшедшим и не будете после этого серьезно относиться к моим словам.

— Не сочту. Говорите!

— У меня есть племянник, некто Форез, который почти наверняка пытается найти способ свести меня в могилу. Меня и еще нескольких лордов, которые мешают ему получить наследство. Мне почудилось, будто я вижу в маске его глаза. Но это, конечно, абсурд! Там ничего нет, кроме пустых прорезей...

— Никогда не знаешь, кто скрывается за маской...

— Ты прав, смертный! — прогремел чей-то голос.

Конан резко развернулся и увидел, что золотая маска больше не лежит на траве — она парит в воздухе, никем не поддерживаемая. Эмбриако вззвизгнул и исключительно быстро заполз в беседку.

Выставив перед собой меч и широко ухмыляясь, Конан шагнул навстречу духу.

— Прочь с дороги! — рявкнул дух.

Конан не ответил. Он пытался понять, велик ли дух и насколько он силен. Размахнувшись, киммериец нанес первый удар. Послыпался скрежет, как будто меч соприкоснулся с камнем. Меч отскочил, а правую руку варвара пронзила острыя боль.

Оскалив зубы, Конан ринулся в атаку. Он кружил вокруг духа, изматывая его ударами. Дух пока что ничего не предпринимал, золотая маска плавала перед лицом киммерийца и скалилась мертвым ртом.

Конан лихорадочно соображал, где же у духа может быть уязвимое место. Пока что его главной задачей было не позволить духу атаковать его самого. И все же, когда дух решил броситься па противника, ставшего слишком назойливым, киммериец не успел отбить нападение.

Невидимая рука крепко схватила его за горло. Конан упал. Теперь маска плясала в воздухе прямо над ним.

Пустые глазницы жадно шарили по могучему телу варвара. Конан отбивался, как мог, лягался с риском сломать ногу о невероятно твердое невидимое тело духа. Голос внутри маски опять ожила.

— Что, жалкий человечишко? Борешься за свою ничтожную жизнь? Какой в ней смысл, если она так коротка?

Тяжелая, как колонна, нога призрака наступила на руку Конана, и киммериец выронил меч. Но левой рукой он нащупывал у себя на поясе кинжал. Дух смотрел ему в глаза, и Конан видел, что господину Эмбриако не почудилось: в пустых глазницах появились глаза Фореза. Они пылали нечеловеческой злобой.

Извернувшись, Конан вонзил в них кинжал.

На сей раз клинок встретил податливую плоть. Раздался оглушительный, скрежещущий крик.

Каменная хватка ослабла, дух выпустил Конана. Теперь маска металась, как обезумевшая пчела. Она носилась и подскакивала, несколько раз ударила о колонну и о ствол апельсинового дерева. И все время сад содрогался от пронзительного вопля, проникавшего, казалось, в сам мозг.

Конан тяжело переводил дыхание. Оглядевшись, он увидел, что господин Эмбриако потер сознание, и из ушей его вытекла струйка крови. Даже могучему киммерийцу было дурно от криков заключенного в маске духа, так что говори об изнеженном аристократе!

С трудом поднявшись, Конан приблизился к трясущейся маске. Киммериец оскалил зубы

— Я догадался, кто ты! — прошептал он. — Ты — третий брат! Ты — один из тех колдунов, которые заколдовали принцесс У-Ханя!

Маска не отвечала. Конан схватил ее за край, прижал к апельсиновому дереву и вогнал свой кинжал во вторую глазницу, пригвоздив маску к стволу.

Хлынула черная, зловонная кровь. Конан едва успел отскочить. Воздух под маской сгустился, а затем появилось тело. Оно извивалось и кричало — но кричало уже не дьявольским, а вполне человеческим голосом. За первым телом показалось и второе...

Всего двое. Они как будто выпали из пустого пространства под маской. В одном Конан сразу узнал Фореза. А второй, должно быть, Джунайе.

Конан осторожно приблизился к жертвам духа. Мертвые — оба. Крик, который они издавали, звучал не из их уст — то кричала, прощаясь, с миром, освобожденная от проклятия душа.

Маска содрогнулась в последний раз и затихла. Теперь это была просто золотая вещица, изготовленная с большим искусством.

Неожиданно с дерева упал плод. Видимо, его сшибло с ветки одним из тех сильных толчков, которые сотрясали дерево. Плод ударился о землю, покатился под горку, стукнулся о колонну беседки и лопнул. Конан смотрел на это с сожалением: больно уж вкусный!

И гут дольки плода начали раскрываться сами собой, точно лепестки цветка, и в самой его

сердцевине появилась крохотная женская фигурка. Она вся была окутана прозрачным золотистым светом. На глазах Конана фигурка стала увеличиваться. Вот она уже Конану по колено, по пояс... К тому моменту, когда господин Эмбриако застонал и начал приходить в себя, девушка достигла уже изначального своего роста.

Она оказалась хрупкой и тонкой, с фарфоровым лициком, раскосыми глазами. Тонкие пряди черных волос падали на ее узенькие плечи, а над ушами ее прическу придерживали зажимы в форме шарообразных соцветий.

Она осторожно шагнула вперед, пробуя землю босой узкой ножкой, такой крохотной, что это выглядело невероятно.

Желтыйшелковый халат, в который была облачена девушка, потащился за ней шлейфом. Эмбриако открыл глаза. Принцесса растерянно улыбалась, разглядывая мир, внезапно распахнувшийся перед ее взором.

Конан вдруг похолодел. Он понял, что за дерево дарило ему тень и прохладу, пока он наблюдал за садом господина Эмбриако. Он понял также, чем были те плоды, которые они с Эмбриако слопали.

— Госпожа, — обратился Конан к девушке, старательно выговаривая кхитайские слова, — вот человек, который освободил вас от чар. — Он указал на Эмбриако, со стонами копошащегося на земле. — Отдайте ему свою любовь! Он этого достоин.

— А дух? — спросила девушка. — Он держал в плену меня и сестер...

— Ну, дух мертв, я полагаю. Во всяком случае, он не воплотился, — сказал Конан. — Так что об этом мерзавце можно забыть.

Он приосанился и с лязгом вложил меч в ножны.

— Мои сестры... — Принцесса огляделась по сторонам, явно растерянная. — Мы всегда были вместе. Где мои сестры, господин?:

— Они... Мое сердце кровоточит, потому что они погибли из-за козней проклятого духа, — промолвил Конан, отводя глаза от прекрасного лица девушки. И тут же добавил: — Но вы, моя госпожа, уцелели, и это — величайшее счастье.

Слезы быстрыми потоками побежали по щекам девушки, однако она нашла в себе силы, чтобы улыбнуться. Осторожно скользя по земле, девушка приблизилась к Эмбриако. Желтые шелковые рукава ласково коснулись щек бритунского лорда.

— Меня зовут принцесса Лу, — прошептала она.

«В конце концов, — сказал сам себе Конан, — что бы он делал сразу с тремя? В Британии многоженство не поощряется!»

И, тем не менее чувство вины не покидало Конана до самого вечера.

OCR: Серіус

WWW.CIMMERIA.RU